
ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОКОНЧАНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1761 год

Желание мира, выраженное в праздновании Нового года. - Денежные расчеты для наступающей кампании. - Французские предложения о мире и переговоры по этому поводу между союзниками. - Неудачные действия Бутурлина. Он отступает, оставив корпус Чернышева действовать вместе с австрийским корпусом Лаудона. - Взятие Швейдница Лаудоном при помощи русских. - Измена Тотлебена. - Разрыв мирных переговоров между Францией и Англией. - Перемена в английском министерстве, благоприятная для союзников. - Желание мира в Швеции. - Усиление французского влияния в Польше. - Договор между Пруссией и Турцией. - Выходка датского двора относительно голицинского дела. - Отчаянное положение Фридриха II. - Взятие Кольберга Румянцевым. - Болезнь и кончина Елисаветы. - Значение ее царствования. - Внутренние правительственные распоряжения в последний год царствования Елисаветы.

Сильное желание кончить тяжкую войну выразилось в праздновании нового, 1761 года: в первом действии фейерверка, сожженного 1 января перед дворцом, изображался Новый год в виде крылатого юноши, который, принося в дар венец лавровый и ветвь масличную, стоял на завоеванных неприятельских оружиях и штандартах и знаменах, а перед ним лежали ключи и герб королевского прусского и бранденбургского столичного города Берлина. "Чрез сие показуется, - говорилось в газетах, - что всемилостивейшая наша государыня одержанные преславные ее оружием победы и славу приобретенную единственно только к тому употребляет, дабы чрез оные вожделенный мир и тишину всеместную поспешить и восставить".

Но надобно было употребить еще новые усилия для приобретения желанного мира, И прежде всего надобно было позаботиться о деньгах для войска. За прошлый год не дослано было более 300000 рублей; подтверждено отправить их как можно скорее. Жалованная сумма на 1761 год определена была в комиссариате в 1465728 рублей; Бутурлин требовал два миллиона тридцать одну тысячу; ему отвечали: "Понеже и такого полного комплекта нет, какой вы полагаете, то и сего, конечно, довольно будет, когда токмо вся определенная сумма исправнее прежнего доходить будет, о чем мы крайне стараться станем, тем наипаче что вы в те ж два миллиона положили до 300000 на чрезвычайные расходы, кои из другой суммы взяты быть имеют, дабы комиссариат толь больше оставался при строгом наблюдении своих регул". На провиант для всей армии Бутурлин

положил 1122488 рублей; ему отвечали: "От неполного комплекта людей и при упадающей иногда цене надобно быть значительным остаткам; но мы теперь делаем исчисление не на год, а на кампанию. Сколько надобно с выступления армии в поход, то в вислянских магазинах теперь почти столько есть; недостает на содержание назначенных в Померанию полков, неостанет несколько и на Висле, особенно для того, чтоб взять с собою на месяц и оставить еще на месяц там; но это не составит значительной суммы, и мы уверены, что вы исправитесь или забранием под квитанции, или подрядом и покупкою, употребляя 1) переделываемые в Кенигсберге 200000 рублей на прусские деньги; 2) прочие теперь в провиантском правлении находящиеся деньги; 3) взятые недавно из Кенигсберга 60000 и 4) выручаемые за проданный в Данциге берлинский вексель 150000 талеров. Если вы успеете этими деньгами пробиваться до выступления армии с реки Вислы в поход, то никакого сомнения нет, что во время кампании в деньгах недостатка не будет и военные действия не будут подвержены никаким остановкам и промедлениям, потому что известный здешний субсидный миллион рублей доставится вам весь сполна, а первая половина его очень скоро; из нее надобно вам прежде всего отделить достаточную сумму на заготовление впредь по плану операций магазинов, а прочее употреблять на другие провиантские расходы. Потом из данных нами тысячи пуд серебра выйдет прусских денег с лишком миллион рублей. Если положить шесть месяцев кампании и на каждый - 25000 четвертей хлеба и на каждую четверть положить по пяти рублей, то надобно только 900000 рублей; нет тут круп, овса и сена, но никогда хлеб и не становился так дорог и никогда его столько не было надобно; также не считается, что в неприятельской земле как бы то ни было может быть получено. Но пусть и ровно в миллион станет шестимесячная кампания относительно провианта и фуража, то все же остается у вас еще миллион на прочие расходы. Что касается гусарских порций, на которые вы требуете теперь с лишком 600000 рублей, то казна наша таких расходов никогда вынести не может, да и крайне несправедливо было бы такие суммы понапрасну тратить, и потому надобно всегда содержать их в неприятельской земле или принять такие меры, чтоб они получали содержание свое из магазинов, да и вообще рассмотреть, не следует ли им быть на совершенно другом основании, ибо прежние штаты составлены так, как будто им всегда в Украине стоять или только в турецких степях воевать. Если не будет способа питать их на счет неприятеля, то не останется ничего другого, как возвратить их всех на Украину, и вместо их умножить число козаков. На чрезвычайные расходы надобна вам значительная сумма: на это определяем мы все то, что очистится от известного берлинского миллиона талеров, да и все будущие контрибуции, если всевышний благословит наше оружие".

25 января отправлен был Бутурлину *секретнейший* рескрипт: "Теперь миновались или скоро могут миноваться те обстоятельства, для которых мы были принуждены стараться о сохранении Пруссии в хорошем состоянии; наступают такие обстоятельства, при которых надобно

заботиться только о том, чтоб армия наша была снабдена всем потребным и королю прусскому была страшна. Поэтому повелеваем вам: 1) собрать с Пруссии все нужное число извозчиков из людей домовитых и с поруками; конечно, в 1759 году сбор их не много принес пользы, нам доносили, что они разбежались; но, кроме того что теперь при хорошем надзоре и порядке этого нельзя опасаться, мы знаем, что и тогда не столько разбежались, сколько были распущены из мерзкой корысти. 2) Если недостающее в полках число людей можно пополнить денщиками, то и на их места надобно взять с Пруссии же из детей таких отцов, которые живут домами, с обнадеживанием как денщикам, так и извозчикам, что по окончании кампании будут отпущены обратно по домам".

Какие же это были новые обстоятельства, которые не позволяли более щадить Восточной Пруссии, т. е. отнимали надежду оставить ее за Россию?

11 января вечером приехал к канцлеру французский посол с депешою от герцога Шуазеля, в которой говорилось, что французский король по состоянию своих владений непременно желает мира; при этом посол представил следующую декларацию с требованием скорого на нее ответа: "Достоверно известно, что силы короля прусского так истощены, что если бы не помогала ему Англия, то он принужден был бы дать все те удовлетворения, которых дает право требовать от него его несправедливое нападение; но и при английской помощи изнеможение этого государя так очевидно, что державам, соединившимся для восстановления тишины и сохранения права, пока союз их пребудет непоколебим, нечего опасаться, чтоб король прусский осмелился после мира возмутить покой и законы имперские новыми нападениями. Король (французский) не предвидит возможности, чтоб будущая кампания могла привести союзников в лучшее пред нынешним состояние. Не должен король скрывать от верных своих союзников, что он принужден уменьшить свое вспомогательное войско и что продолжение войны крайне истощает доходы его государства, так что он не отвечает за возможность точного исполнения принятых с союзниками обязательств. Король надеется, что ее императ. величество принесет в жертву этому великому делу собственные свои интересы, точно так как и король намерен жертвовать своими интересами".

На другой день, 12 января, Эстергази сообщил канцлеру рескрипт Марии-Терезии от 1 января по поводу французской декларации, что необходимо стараться о заключении мира, если можно, нынешнею зимою. "Будущий мир может быть троякий, - говорилось в рескрипте императрицы-королевы, - 1) *добрый*, когда мы и союзники наши достаточное удовлетворение получим, следовательно, опаснейший наш неприятель будет приведен в надлежащие пределы; 2) *посредственный*, когда только некоторая часть положенного удовлетворения будет получена и неприятельская сила будет уменьшена только до некоторого градуса; 3) *худой*, когда прусский король без потери земель и без значительного убытка выйдет из войны, начатой

таким продерзостным образом. Продолжение войны представляет надежнейший способ для доставления тишины и безопасности нам и союзникам нашим, и легко рассудить, что оказываемая теперь податливость к миру нам очень прискорбна. Но делать нечего, надобно обращать внимание и на положение союзников, и мы готовы на мир, если разумеется мир по крайней мере посредственный, а не худой, и потому мы приказали объявить французскому послу, что в рассуждении нынешних обстоятельств мы не настаиваем на приобретении всей Силезии и графства Глац, но будем довольствоваться некоторою частью, если бы чрез это до наступления кампании мог быть заключен мир. Между тем мы для заключения порядочного мира почитаем необходимым учреждение конгресса, на котором не только с неприятелями, но и с приятелями можно гораздо удобнее сговариваться, а притом и много времени будет выиграно".

30 января барон Бретейль сообщил, что с согласия римского императорского посла герцог Шуазель поручил генуезскому министру Собре, отъезжающему в Лондон для поздравления от имени своей республики нового английского короля Георга III с восшествием на престол, сделать слегка английскому министерству некоторые внушения насчет восстановления общего мира; но Бретейль прибавил, что и сам герцог Шуазель не очень надеется на успех по неважности значения Собре, а хочет только разузнать виды и склонности английского двора. Король приказал ему, Бретейлю, представить ее императ. величеству, не соизволит ли приказать князю Голицыну в Лондоне подкрепить сделанные герцогом Шуазелем английскому двору мирные предложения, вследствие чего герцог прямо отнесется письмом к государственному секретарю по иностранным делам Питту, но это письмо вручится прежде князю Голицыну как министру державы, союзной с Франциею и дружественной Англии; а Голицын с своей стороны как можно сильнее подкрепил бы содержание этого письма и постарался бы исходатайствовать скорый ответ, по которому можно было бы начать мирную негоциацию.

1 февраля последовал русский ответ. "Конечно, - говорилось в нем, - никто не будет спорить, что если надобно желать скорого мира, то заключить надобно только мир честный, прочный и полезный. Без сомнения, и его величество король французский одного с нами мнения. Если б надобно было говорить об одном прочном и честном мире, то план был бы уже готов: надобно было бы доставить императрице-королеве всю Силезию и графство Глац; Швеции - Померанию, обещанную ей французским королем и Австриею в Стокгольмской конвенции 22 сентября 1757 года; датский двор утвердить в системе союза насчет прусского короля; польского короля не только достойно вознаградить, но и привести в такое состояние, чтоб отовсюду открытые его земли не легко могли найтись в обстоятельствах, подобных нынешним; Англию не только принудить к справедливой сделке в американских делах, но и уступить Франции остров Минорку, да и наши убытки на счет общего неприятеля так вознаградить, как того требует наше

достоинство, поданные от прусского короля причины к жалобам, сильное наше содействие в войне и будущая наших союзников польза и безопасность. Но так как надобно рассуждать столько же о возможности и великих трудностях, представляющихся для полного достижения всего вышеозначенного, то по меньшей мере необходимо стараться о том, чтоб король прусский существенно был ослаблен в своих силах и Англия чрез это потеряла сильное свое влияние в делах твердой земли, а союзники хотя бы в том нашли вознаграждение за свои убытки, что могли бы трудиться спокойно и безопасно над восстановлением благосостояния своих государств. Действительно, сила короля прусского теперь уменьшена: нет уже у него тех армий, с которыми он надеялся стоять против всех. Но когда после Пальцигской и Франкфуртской битв, после потери Дрездена, после максенского дела и, наконец, проведя всю зиму в поле под ружьем, нашелся, однако, он в состоянии, потеряв в начале минувшей кампании целый корпус генерала Фукета, не только показаться в поле, но и опять дела свои поправить, и в то время как дела его все же приходят день ото дня в худшее состояние, а, наоборот, войска союзников приходят в лучшее и по меньшей мере дошли до того, что у последнего солдата истребилось неосновательное мнение о непобедимости прусских войск, - когда при всем том встречаются такие трудности в достижении принятых намерений, то легко заключить, что уменьшение сил короля прусского есть только кратковременное и такое, что если им не воспользоваться, то он усилится более прежнего. Когда среди такой свирепой войны, когда при непрерывном упражнении всех его войск, когда почти все его соседи враги ему, находит, однако, он способ ужасные уроны в своих армиях пополнять с невероятною скоростью, то в какое состояние приведет он свое войско в два года мира, если в его руках останутся те же средства? Тогда будет зависеть от его благоусмотрения, с кого начать из имперских князей, принимавших против него участие в нынешней войне, чтоб отомстить за это, показать всю свою силу и научить, чтоб империя не смела больше давать против него своих континентов. Святость вестфальских договоров не могла воспрепятствовать нынешней войне. Союз великих держав его не утратил, а впредь еще меньше утратить может. Вооруженные и одним духом мужества и твердости руководимые державы не положили достаточных пределов ему, приведенному в слабость: могут ли они обуздать государя, жертвующего всем одной славе, когда Франция будет обращать все свое внимание на поправление флота и дел своих в Америке и, может быть, сократит свои сухопутные силы; когда императрица-королева будет принуждена сделать то же самое, иначе мир ничем не различался бы от войны; когда король польский станет только собирать разбежавшихся своих подданных, а мы свою армию расположим на обширных пространствах империи? Мы можем чистосердечно сказать, что крайне трудно становится нам продолжение войны; но если б при нынешнем желаемом мире от поспешности или по другому несчастию не было принято мер против новой войны, которая действительно вскоре возгорелась бы, то мы чрез несколько лет не будем в состоянии опять

такую же армию привести к реке Одру, какая там теперь была, хотя б получили большие миллионы субсидий, ибо не всегда быть может готовая армия в Лифляндии. Когда подробнее рассмотреть вопрос об ослаблении короля прусского, то, к крайнему сожалению, надобно признаться, что самые к нему вопиющие несправедливости и бесчеловечия находят ему приверженцев и защитников, что при всем своем изнеможении и после больших ошибок стал он, однако, выше прежнего во мнении людей, судящих по наружности; стал он велик тем, что так долго мог противиться таким сильным державам, и станет несравненно выше, когда при мире ничего не потеряет. О датском дворе мы ничего упоминать не будем и оставляем его христианнейшему величеству рассудить, в каких обстоятельствах и склонностях надобно быть этому двору, если король прусский останется в нынешнем состоянии сил своих. Полезная благосостоянию Европы политика Оттоманской Порты - не мешаться в дела воюющих между собою христианских держав - ожидает только минуты заключения мира, чтоб или тотчас с презрением отвергнуть предложения короля прусского, приведенного в слабость, или с радостью принять их, если б он сохранил всю свою силу и тем приобрел новое значение. Думать об этих предосторожностях побуждает нас не собственный односторонний интерес: наши границы обширны и окружены многими соседями; однако положение их таково, что может причинять нам только много досад и хлопот, но существенной опасности редко можно ожидать. Совершенно иное положение наших союзников, особенно императрицы-королевы: она может тотчас с двух сторон подвергнуться нападению в самом сердце наследственных владений и не получит ниоткуда скорой помощи. Итак, существенный только интерес наших союзников заставляет нас с такою ревностью говорить об уменьшении сил короля прусского. Но Франция находится совершенно в других обстоятельствах, чем мы. Сколько бы Англия ни жертвовала для сохранения короля прусского, всегда она этим больше приобретает, чем теряет. Как бы американские и в других частях света дела хорошо и решительно окончены ни были, но если Англия сохранит свое влияние на твердой земле Европы и не будет опасаться за свои германские владения и за своих союзников, то она найдет довольно предлогов привести в упадок исправляющийся французский флот, отдаленные колонии и вообще торговлю. Таким образом, прочность будущего мира и безопасность всех союзников зависят от существенного ослабления короля прусского; это должно быть первым и главным основанием мира; но как достигнуть этого ослабления?

Императрица-королева не будет настаивать на приобретении всего того, на что она имеет неоспоримое право; но так как она сделала уже некоторые завоевания в Силезии и можно надеяться, что в будущую кампанию сделает еще больше, то нельзя, чтоб неприятели, если искренно желают мира, не сделали ей здесь уступок; равно как можно смело надеяться, что если б мир остановился за какою-нибудь малостью, то ее величество скорее уступит ее, чем решится на продолжение войны. Король польский,

как курфюрст саксонский, подвергся такому несправедливому нападению и земли его так бесчеловечно разорены, что сами неприятели не могут не признать справедливым доставить ему пристойное вознаграждение. Это вознаграждение не может состоять в одних деньгах, тем более что нельзя ручаться, что деньги будут выплачены, особенно если их будет много, и потому сверх княжества Магдебургского и прусских владений в Лузании надобно доставить польскому королю все, что только можно приобрести ревностным и единодушным старанием всех дворов. Швеция должна приобрести что-нибудь в Померании, получить там лучшее округление границ.

Мы со своей стороны за лучшее приобретение от этой войны почтем то, если силы короля прусского будут существенно уменьшены и мы будем в состоянии положиться, что война не скоро опять вспыхнет, будем покойны несколько лет, не будем принуждены подавать нашим союзникам для нас тягостную, а для них иногда позднюю помощь. Мы уже прежде объявили, что желаем получить провинцию Пруссию, имея на нее полное право: она завоевана нами у такого неприятеля, который сам нам объявил войну, потом она не принадлежит к Римской империи. Мы хотим получить эту провинцию вовсе не для распространения и без того обширных границ нашей империи и не для вознаграждения за убытки, ибо владение Пруссиею было нам в тягость, но единственно для того, чтоб надежнее утвердить мир, а потом, уступив ее Польше, окончить этим многие взаимные претензии, несогласные с истинным нашим желанием ненарушимо сохранять эту республику в тишине и при всех ее правах и вольностях. Такое желание не может быть отвергнуто, тем более что и королю прусскому эта озерами и болотами наполненная провинция большой в силах разницы не сделает. Могут возразить одно, что король прусский по своему упорству скорее решится на все крайности, чем согласится на уступку ее; но на его упорство не обязаны мы отвечать всегдашним снисхождением. Впрочем, если мирное дело пойдет по желанию и главная цель - ослабление короля прусского - будет достигаема, и если при этом оказалось бы, что доставление нам Пруссии крайне затруднительно, и если мы усмотрим, что, жертвуя нашими правами на Пруссию, можем улучшить мирные условия для всех союзников, особенно же для Франции, то мы уступим Пруссию; но тогда верные союзники, разумеется, должны доставить нам равносильное вознаграждение".

Иностранная коллегия должна была сообщить копию с этой декларации и графу Эстергази, присоединив к ней следующую записку: "Императрица-королева по своей справедливости признать изволит, что нынешний поступок мало соответствует нашей искренности. Мы никогда и никакого дела не начинали с Франциею, о котором бы наперед не соглашались с императрицею-королевою и которого бы часто не оставляли совершенно ее руководству и благоизобретению. К нам, напротив того, приходит все не только соглашенное уже предварительно с Франциею, но часто в такое время и таким образом, когда иных решений и принимать уже некогда.

Способствует тому близкое расстояние дворов, и новость политических и кровных союзов с Франциею обязывает ко многим *менажементам*, в чем мы и не имеем ни малейшей зависти; но дела, столько же и до нас, сколько до Франции, касающиеся, могли бы по меньшей мере в одно время и нам быть объявляемы Довольно, что по расстоянию мест. позже услышим и позже принять можем решение. Пускай отвергнутые предложения прусского полковника Шверина ничего не значат, хотя и те месяцем ранее были сообщены версальскому двору; но что касается действительных предложений о мире, то мы никогда не ожидали б, чтоб не только в свое время от нас это было скрыто; но и теперь, когда дело почти идет к концу, только некоторое неполное и такое сведение нам было подано, которое могло только нас смутить, а не облегчить принятие прямых и самой императрице-королеве полезных решений. Никакие доказательства не принудят нас поверить, что о главных пунктах без нас уже согласились или думают привести нас к готовому уже мирному трактату; однако если б это сверх нашего ожидания случилось, то мы наперед объявляем, что хотя бы самые лучшие и такие для нас условия там были внесены, каких только можно желать, то мы к такому миру никогда не приступим, откажемся от всяких выгод и найдем случай заключить с прусским королем особый мир; пусть останется нам хотя слава, что, бывши победителями, победами удовольствовались и побежденным мир даровали, а законов не приняли. Империя наша, слава Богу, в таком состоянии, что не может много опасаться отмщения короля прусского, и он, конечно, первый будет искать нашей дружбы. Напротив того, если мирное дело пойдет надлежащим и с достоинством союзников сходственным порядком и с нами будут поступать с такою же искренностью, с какою мы поступаем, то императрица-королева может верно полагаться, что их труды, опасности, утраты, приобретения - все охотно разделять будем".

Получив эти две бумаги, на другой день, 3 февраля, Эстергази явился к канцлеру с изъяснениями на их счет. Он начал изъяснением величайшего удовольствия относительно русского ответа на французское предложение: ответ, по его словам, основан на правилах здоровой политики и вполне согласен как с достоинством самой императрицы, так и всех ее союзников. Вслед за этим посланник переменил лицо, сделав его выражение горестным, и объявил, что, как он обрадовался ответу, так точно опечалился запискою, назначенною для его двора, потому что в ней явно упрекается императрица-королева, будто бы с ее стороны к русскому двору показана неполная откровенность и без предуведомления приняты с Франциею тайные постановления; в записке заключается и угроза, что императрица принуждена будет, жертвуя от войны и союза ожидаемыми выгодами, помышлять о других мерах, тогда как он, Эстергази, имеет в руках неопровержимые доказательства искренней дружбы своей государыни к ее императорскому величеству, вследствие которой она никогда не скрывала и скрывать не будет от такой верной союзницы не только поступков, но и видов своих, ибо на сильное содействие всероссийской императрицы государыня его полагает всю надежду

будущего мира и благополучия своих подданных. В доказательство, как невинен его двор в приписываемых его русскою запискою поступках, Эстергази прочел канцлеру две промемории, поданные в Вене французским послом, и копию отправленной по этому поводу инструкции в Париж графу Штарембергу. В первой французской промемории изъяснялось, почему надежнее и выгоднее производить мирные переговоры на двух конгрессах, в Париже и Лондоне, представлялись причины, почему никому из союзных дворов эти важные дела поручить нельзя, а именно: Саксония требует себе через меру больших удовлетворений и при несчастиях своих не в состоянии придать переговорам надлежащую силу. Швеция неспособна по образу своего правления. Россия очень далеко, и, сверх того, дела касаются двойной войны, из которых она участвует только в одной; сверх того, имея в Петербурге английского министра и торговый договор с Англиею, Россия не могла бы взять на себя поддержку интересов Франции против британского двора, не упоминая уже о том, что надобно было бы тратить драгоценное время на объяснение русскому министерству взаимных английских и французских претензий в обеих Индиях. Австрийский двор, как и Россия, принимает участие в одной немецкой войне, Англия - в одной морской. В рассуждение этих обстоятельств Франция объявляет свою готовность принять на себя переговоры. Первое предложение неприятелям могло бы состоять в том, чтоб оставить дела в настоящем их положении. Шведский народ, как высокомерный, можно ласкать честью, что он исполнил ручательство вестфальских договоров, а Франция для восстановления в стокгольмском банке кредита дозволила бы субсидии; этим и пресеклось бы главное нареkanie на Сенат, происходящее не столько от несчастной войны, сколько от государственного истощения. Россия удержала бы свои завоевания, а, чтоб отнять у нее охоту искать английских субсидий, король французский предложит ей свои субсидии и, кроме того, поручится, что ее не будут беспокоить за нажитые в Польше в нынешнюю войну долги и что будет произведено в действие разграничение со стороны Украйны. О короле польском употребить общее старание при мире, выговоря наперед, чтоб Саксония тотчас была очищена от неприятеля, и отдавши ей в вознаграждение герцогство Клевское. С австрийским домом Франция войдет в сделку о вымене гессенских земель и графства Ганау, оставляя силезские дела в том положении, в каком они теперь. Франция будет жертвовать общему делу всем тем, что она уже потеряла.

Императрица была удовлетворена объяснением Эстергази; раздражение утихло, особенно когда во французском проекте мирных условий увидели, что Россия поставлена в выгодное положение. Так как Эстергази просил взять обратно записку, которою без всякой пользы общему делу императрица-королева будет только сильно опечалена, то записку велено у него взять и дать другую, "в которой при сохранении всего прежней (записки) разума отменены только те слова, о коих посол представлял, что могли бы излишне оскорбить императрицу-королеву". В новой записке

говорилось: "Считаем необходимым, чтоб наши министры и министры императрицы-королевы пребывали в Париже не только в тесном согласии, но единодушно старались не допускать французский двор ни до чего скоропостижного и всеми средствами утверждать при принятой системе союза. Впрочем, легко предусматривать можно, что это великое дело не кончится без важных перемен в принятых положениях, и так как императрица-королева ближе находится к тому, чтоб знать обо всем касающемся мира и общих дел и по соображению обстоятельств предусматривать, то, конечно, ее величество признает за нужное для своих и наших интересов давать нам знать обо всем заблаговременно; и мы обнадеживаем нашим неперменным словом хранить все эти сообщения в непроницаемой тайне. Мы с своей стороны открываем теперь ее величеству в крайней доверенности, что если б сверх всякого ожидания случилось, чтоб Франция захотела заключить такой мир, к которому союзники могли бы только приступить, то мы к такому миру никогда не приступим, хотя бы внесены были самые полезные и желаемые для нас условия; мы уверены, что императрица-королева будет с нами одинакого мнения, что лучше отречься от всех выгод и, быв победителями, удовлетвориться одними победами, чем принять чужие законы".

Бретейлю дано было согласие, чтоб до главного конгресса начались переговоры между Франциею и Англиею посредством письма герцога Шуазеля к Питту, которое передаст князь Голицын. К Голицыну велено было написать, что императрица почтет за верх его усердия к службе и искусства, если он найдет способ чрез какое бы то ни было посредство, только неприметно, довести до того, чтоб Англия сама сделала русскому двору податливые предложения к миру и тем отдала ему в руки окончание мирных переговоров, ибо, по-видимому, Франция ищет присвоить одной себе эту славу.

21 февраля барон Бретейль объявил канцлеру, что он получил от своего двора новые наставления домогаться у русского двора непременно, чтоб представленный его двором проект декларации о миролюбии союзников принят был во всех частях, и особенно последний пункт, касающийся определенного или неопределенного, по выбору неприятелей, перемирия. Проект состоял в двух пунктах: первым для общего конгресса назначался город Аугсбург, но притом оставлялось на волю лондонскому и берлинскому дворам, быть ли общему конгрессу или быть двум конгрессам и на последних ли оканчивать мирные переговоры или приготовить на них только прелиминарии, а главное дело предоставить опять общему конгрессу. Вторым пунктом предлагалось перемирие и опять отдавалось на волю Англии и Пруссии - быть ли перемирию или нет и назначить ему срок или нет. Бретейль объяснял Воронцову, что перемирие становится Франции необходимым для спасения остатков ее морской торговли в обеих Индиях и колоний. Бретейлю отвечали, что императрица согласна на избрание Аугсбурга местом конгресса; согласна, чтоб декларация об этом подана была в Лондоне чрез русского посланника князя Голицына, но с

условием, чтоб эта декларация составлена была в Париже министрами короля вместе с русским посланником; согласна и на два конгресса, но с тем, чтоб имя конгресса носил только общий и прежде был представлен. Что касается перемирия, то императрица соглашается на него единственно из дружбы к французскому королю для доказательства, что она интересы союзников часто предпочитает собственным; но сама она считает единственным способом к достижению честного и прочного мира раннее начатие кампании и сильное действие; всякое перемирие полезно только неприятелю, который ведет войну в своих собственных землях; всякое перемирие может для всего союза иметь самые вредные последствия, если по его истечении о мире ничего не будет постановлено и снова надобно будет начинать войну. Если позволить, чтоб король прусский во все время перемирия спокойно высасывал из Саксонии последний сок, то, умалчивая уже о том, как он этим укрепится, трудно было бы найти перед светом оправдание этому перемирию, а если вступать об этом в переговоры, то они были бы так же затруднительны, как и переговоры о самом мире. Король прусский по меньшей мере станет требовать, чтоб наша армия с реки Вислы не трогалась и не приближалась к его землям, чем он столько же выиграет, как и удержанием Саксонии, ибо надобно опасаться, что на Висле в летнее время не достанет нашему войску фуража, следовательно, на зиму большую часть Пруссии надобно было бы покинуть. Число лошадей при нашей армии отнюдь не может быть уменьшено, и содержание их иное, чем в других армиях. Конечно, можно за большие деньги найти фураж в Польше, но польскими лошадьми и дорогами почти ничего привезти нельзя.

Ясно было видно, как разделялись интересы союзников: Франция считала для себя перемирие необходимым по отношению к ее заморским владениям. Россия считала перемирие крайне вредным для союза, потому что считала его чрезвычайно полезным для прусского короля; с нею, естественно, должна была соглашаться Австрия. Россия настаивала на раннее открытие кампании и энергическое действие; Франция, чтоб охладить воинственный жар России, внушала, что успеха в предстоящей кампании не будет. Австрия не в состоянии энергически действовать. 31 марта барон Бретейль передал канцлеру в секрете известия, присланные французским послом из Вены: граф Кауниц, виновник войны, старается всячески ее продолжить и потому полагает препятствия к миру; но сама Мария-Терезия, напротив, крайне желает мира, потому что не одна казна, но и все средства страшно истощены, земские чины отказываются платить подати и ставить рекрут; за недостатком денег армия может быть доведена только до 110000 человек, и потому фельдмаршал граф Даун при отъезде своем прямо объявил, что никак не в состоянии действовать наступательно против короля прусского; притом генералы и солдаты не смеют или охоты не имеют драться с пруссаками. Он, Бретейль, знает наверное, что граф Кауниц с графом Эстергази в несогласии по случаю уничтожения трактата 1746 года, который заменен новым договором, подписанным Эстергази без полномочия и указа; поэтому теперь графу Эстергази не сообщаются

больше секреты венского кабинета, да и сам Кауниц недолго останется министром. 11 апреля Бретейль опять требовал у канцлера, чтоб русский министр в Париже уполномочен был дать согласие на перемирие. Воронцов повторял прежний ответ, что предлагать о перемирии теперь вовсе не своевременно.

Франция уступила. В ее декларации, посланной в Англию, о перемирии не было упомянуто; вследствие этого императрица велела написать русскому министру в Париже, чтоб он изъявил тамошнему двору ее удовольствие за это умолчание. При этом он должен был внушать, что король сделал все от него зависевшее для ускорения мира и теперь должен оказать непобедимую твердость в принятых намерениях заключить с прусским королем только честный и прочный мир и доставить обиженным сторонам достойное вознаграждение. Для этого надобно продолжать нынешнюю кампанию с таким же усердием, как прежние, и ни о каком перемирии не упоминать, тем более что никогда обстоятельства не обещали лучшей кампании.

Русскому министру в Париже было секретно предписано, что в самом крайнем случае, если Франция непременно будет настаивать на перемирии, не спешить соглашаться на него, но, не отказывая прямо и не обещая, продолжать дружеские представления против перемирия, ожидая уведомления графа Кейзерлинга из Вены, а Кейзерлингу предписать уговаривать Кауница, чтоб не соглашался на перемирие; впрочем, императрица-королева лучше может судить, можно ли Францию твердостью удержать или, теряя ее содействие, не подвергнуться никакой опасности.

Желание петербургского Кабинета исполнялось; министрами союзных дворов в Париже было постановлено назначить срок конгресса между 1 и 15 числом июля месяца нового стиля, а военные действия со всех сторон начинать как можно скорее и с большею силою. Вследствие этого Иностранной коллегии было предписано сочинить план и наставление русским министрам в Лондоне, Париже и Вене. В этом наставлении должно быть сказано: "Мы желаем, чтоб конгресс скорее состоялся, но не для того, чтоб и действительный мир тотчас последовал (ибо при таком смешении интересов опасно, чтоб скорый мир не был полезным миром или чтоб война, прекратясь на время, не воспалилась бы с большею свирепостию), но для того, чтоб скорее видеть прямые склонности и мнения лондонского и берлинского дворов и чтоб с большею точностию принимать нужные меры. В эту кампанию намерены мы действовать с крайнею силою, дабы умножить неприятельскую податливость и не дать возможности полезной ему проволоочки переговоров. Нам кажется, что французскому двору остается одно: покинув на время Азию и Америку, как можно больше воспользоваться настоящими выгодами в Германии и, поправля здесь дела свои и своих союзников, привязать последних к себе и славный союз сделать вечным, ослаблением же короля прусского ослабить

и Англию, потому что король прусский, оставаясь в силе, не допускал бы союзников подавать друг другу взаимной помощи, и Англия, имея на твердой земле себе подпору для начатия новой морской войны, не стала бы дожидаться, пока французский флот придет опять в цветущее состояние. Для опровержения этого взгляда можно выставить одно, что главная сила бранденбургского дома заключается в личности нынешнего короля прусского. Правда, для составления вредных соседям своим проектов и к произведению их в действие он довольно способен; но известно всему свету, что к нынешней чрезмерной его силе все пути приготовлены его предками; он пользовался только случаями, следуя политическому плану, установленному в этом доме гораздо прежде Фридриха II. Совершенно военное, а не гражданское в областях его заведенное правительство не может быть прилично долговременному миру.

Почти уверены мы, что Франция не замедлит теперь отправить министра своего в Лондон; мы и желали бы, чтоб он успел заключить отдельный мир с Англиею и отделить эту державу от прусского короля, оставляя Франции свободу действовать против него по меньшей мере на основании Версальского союзного договора с императрицею-королевою 1758 года. Англия, заключая свой мир с Франциею, обязалась бы ни прямым, ни косвенным образом не помогать королю прусскому и решение с ним дел оставила бы нам и Австрии. Но так как при многих дворах может произойти опасение, что эта вначале очень ограниченная негоциация распространится чувствительно далее и поведет к миру, похожему на Ахенский, то хотя и нельзя прямо противиться посылке французского министра в Лондон, но можно внушить, что при нынешней перемене в английском министерстве статский секретарь Питт, великий поборник интересов короля прусского и думающий, что надобно поблажать стремлениям своего народа, который возгордился военными успехами, старается забрать переговоры в свои руки и продолжением их и войны продлить свое значение, а это значение упадет, если дела пойдут не по южному, а по северному департаменту, чрез руки нового статского секретаря графа Бюта. Поэтому-то Питт и отозвался, что не думает, чтоб в наших добрых услугах могла быть нужда. Мы на это не досадуем и не хотим навязывать своих добрых услуг и предложили их единственно из дружбы к французскому королю. Не повредило бы нашим и союзников наших интересам внушить искусным образом графу Бюту, что если отдельные переговоры с Франциею распространятся далеко, то всю честь и славу получит один его товарищ - Питт.

С большими предосторожностями должен быть соединен этот поступок; однако когда подобным же образом все победы принца Евгения и герцога Мальборо обращены были в ничто и Франция при дурном состоянии своих дел получила выгодный мир, то отчего бы не могло и теперь случиться, чтоб английское к королю прусскому усердие вдруг остыло и он увидел бы себя оставленным в то время, когда всего больше надеялся на помощь Англии? Обнаруженное до сего времени нашим посланником князем

Голицыным искусство в делах и ревность к нашей службе внушают нам уверенность, что он по меньшей мере сделает все возможное, не компрометируя себя и нас. Францию надобно заставить, чтоб посылаемый ею в Лондон министр получил повеление ничего не скрывать от князя Голицына, был ему подчиненным, по крайней мере во всем действовал с ним заодно".

Так как Россия настаивала на том, что честный мир должен исключительно зависеть от сильных действий союзников против прусского короля, то естественно было ожидать, что ее военные распоряжения будут соответствовать этому. Сначала составлен был такой план кампании: овладеть прежде всего крепостью Кольбергом и учредить там главный магазин, а потом подвинуть армию к Одера и сделать неприятелю диверсию осадю какой-нибудь важной крепости. Но теперь этот план был изменен: Бутурлину велено было идти в Силезию, соединиться там с австрийской армией, находившеюся под начальством фельдцейгмейстера барона Лаудона, и наступить на неприятеля всеми силами. Это *великодушно* намерение возбудило сильную радость в Вене. "У нас и у императрицы всероссийской, - писала Мария-Терезия, - нет недостатка в силах для укрощения опасного неприятеля; дело состоит только в том, чтоб эти силы в надлежащее время и с совершенным согласием употреблять".

"Приняв за неопровержимое правило, - говорилось в рескрипте императрицы фельдмаршалу Бутурлину, - что если в нынешнюю кампанию не действовать со всех сторон с крайнею ревностию, то надобно опасаться самых вредных следствий, и что, напротив того, сильными и поспешными действиями все опасности отвратятся и можно будет ожидать самых полезных плодов от нынешней войны, - мы не находим нужным входить с вами в подробное рассмотрение того, каким образом ускорить вашим походом и как сделать ваши операции важнейшими; мы уверены, что вы ни одного часу напрасно не упустите. Но так как генерал Лаудон при затруднительном его теперь состоянии, конечно, с большим нетерпением ожидает радостного известия о вашем приближении, то не можем не посоветовать вам еще, чтоб вы походом своим к Силезии как можно поспешили и часто его об этом извещали. Приближение ваше ободрит Лаудона, а король прусский увидит, чего ему от вас надобно будет ожидать. Храбрость наших войск он уже испытал, теперь надобно внушить ему уважение к вашей особе".

Перед самым началом кампании Тотлебен опять запросил увольнения из службы; думали, что он недоволен, зачем так долго остается генерал-майором, и 19 апреля отправлен был Бутурлину рескрипт, в котором говорилось: "Доношение генерал-майора графа Тотлебена об увольнении его из нашей службы приятно нам быть не могло, тем более что оно так много раз уже повторено, а теперь повторяется пред самым началом кампании, следовательно, в такое время, когда никому не позволено просить увольнения. Вы хорошо делаете, что отклоняете его от такого

намерения, и вы можете его обнадежить, что при первом производстве он обойден не будет; но при этом внушите ему поискуснее, что мы хотим оказывать нашу милость по собственному нашему произволению, а частое напоминание и усиленное домогательство, даже требование увольнения, замедляют только знаки нашей милости. Вы хорошо сделали, что позволили графу Тотлебену видаться с прусским генерал-поручиком Вернером. Мы почти уверены, что если до свидания дойдет, то Вернер или будет о мире предлагать, или будет стараться заподозрить пред нами наших союзников. Надобно все выслушивать и на первое, не отвечая ничего решительного, нам доносить, а на последнее и тотчас можно отвечать, что мы вполне уверены в твердости и искренности наших союзников; да если б и не так было, то мы согласимся лучше быть обманутыми, чем заподозрить их и не устоять в своих обязательствах; что всякое нечистосердечное покушение послужит только к продолжению разорительной войны, а к достижению мира один способ - прямо предлагать и показать действительную готовность к удовлетворению обиженных сторон".

Вернер предложил Тотлебену не о мире, а только о перемирии на месяц. В то же время Тотлебен прислал Бутурлину письмо своего приятеля из Берлина, где говорилось, что мир между Англиею и Франциею уже заключен. По этому случаю в рескрипте к Бутурлину от 30 апреля было сказано: "Нетрудно заключить, что старались только изведать, велика ли с нашей стороны твердость и усердие, и если б получили согласие на перемирие, то разгласили бы об этом с прикрасами в австрийской и французской армиях, и письмо, полученное Тотлебеном из Берлина, служило только приготовлением к тому, чтоб внушения Вернера произвели свое полное действие. Поэтому уведоьте графа Тотлебена, чтоб он остерегался подобных внушений и не верил им. Желаем мы, чтоб теперь вы не имели никаких препятствий в вашем походе, и о благополучном выступлении в поход будем ожидать вскоре приятного уведомления.

Бутурлин выступил в поход для соединения с Лаудоном, которому дали отдельный корпус по настоянию русского двора. Мария-Терезия против воли уступила этому настоянию, ибо фаворитом ее был фельдмаршал Даун, но Дауна не любили в Петербурге и имели на то право. Фридрих II находился в Силезии с 50000 войска; в Саксонии прусский корпус, находившийся под начальством принца Генриха, сдерживался Дауном; в Померании румянцевский корпус шел осаждать Кольберг. Легко понять, с каким нетерпением ждали в Петербурге известия от Бутурлина, что он соединился с Лаудоном в Силезии, что соединенная австро-русская армия раздавила Фридриха II и тем покончила тяжкую войну, приготовив для дипломатов легкое дело - заключить в Аугсбурге *честный* мир, как разумели его в Петербурге и Вене. И легко понять раздражение, какое было произведено донесениями Бутурлина, жестоко обманывавшими ожидания. В этом раздражении написан был рескрипт императрицы, посланный к главнокомандующему 14 августа: "Как при начале нынешней кампании и

при сочинении плана военных действий не вступали мы с вами во все мелкие подробности и довольствовались объяснением главных видов и намерений, оставляя прочее вашей распорядительности и ревности, старались мы только живо изобразить вам те великие и неоспоримые основания, почему желали мы, чтоб нынешняя кампания была решительною, так и во все время кампании напоминали мы вам только те же самые основания, а в прочем с нетерпением ожидали мы приятных от вас известий, каких обещали мы себе от вашей ревности, от засвидетельствованного вами отличного состояния армии, от известной храбрости наших войск и от самых обстоятельств, которые много раз были вам полезны, или ожидали описания принятых вами таких твердых намерений, по которым бы мы движения ваши сами здесь расчислять могли, следовательно, и в состоянии были бы предписывать вам что-нибудь с подлинностью. Но вы ни однажды не доставили нам такого точного дел и обстоятельств изображения, по которому бы мы верно могли расчесть, в каком состоянии, например, этот указ вас застанет. Донесения ваши хотя довольно часто получаются, но, во-первых, редко или и никогда не изображается в них прямое положение неприятеля и генерала Лаудона, а потом, что касается вас, то или в каждом донесении видим новое намерение, когда не исполнено еще прежнее и всегда прежнему противное, или же, наконец, простое ожидание нескольких дней для принятия еще нового решения.

Все сделанное вами во время минувшей зимы для приведения армии в готовность к походу, во многих случаях благоразумно наблюденная экономия, особенно же своевременное выступление в поход до Познани и прибытие туда всей армии еще в мае месяце, следовательно, ранее чем когда-либо это случалось, приобретали вам совершенное наше одобрение. Этим исполняли вы важный пункт плана и обнадеживали весь свет, что действия ваши будут, конечно, соответствовать тем уверениям, которые поданы нами союзникам нашим. Этим сделали вы, что венский двор так усилил и так уполномочил младшего и иностранного генерала Лаудона и все свое внимание обратил на вас и на него. Вы должны были ясно усматривать, что от скорости похода вашего в Силезию все зависело; что вам больше всего надобно было истребить предубеждения союзников и неприятеля относительно медленного движения нашей армии, предубеждения, по которому союзники не смело полагались на наши обещания, а неприятель смело обращал свои силы в другую сторону. Но вы, конечно, по избытку усердия и желая вместо одного дела сделать два разделяли ваше внимание. По прибытии вашем в Познань вы приняли было решение идти в Померанию, надеясь неприятеля оттуда выгнать, взятие Кольберга ускорить и заблаговременно поспеть в Силезию, и к нам вы доносили о том, как о деле неперемennom. Но вы не приняли в уважение, что хотя весьма похвально и славно вдруг многие дела обнимать и с одинаким успехом исполнять, всегда, однако, надобно больше смотреть на главное, да не заметили и того, что хотя взятие Кольберга нам на сердце и лежит, но мы никоим образом не связывали его с вашими действиями. От

этого с планом операций несогласного намерения естественно произошло некоторое упущение времени, а барону Лаудону сомнение, крайне вредное в начале кампании, особенно когда надобно было еще истреблять прежние предубеждения. Но если бы вы тогда остались при этом намерении и быстро стали его исполнять, то, может быть, случилось бы что-нибудь решительное; по меньшей мере генерал Цитен был бы теперь в Померании, не делал бы Лаудону диверсии в Моравию и не разорил бы приготовленных для вас магазинов; король прусский не был бы так силен против Лаудона, а Лаудон знал бы, чего ему от вас ожидать и какие меры свои принимать.

Отменили вы намерение идти в Померанию как несходное с планом; но к сожалению, не вдруг обратились к главному делу, т. е. к походу в Силезию и прямо к Бреславлю, но хотели сперва сделать покушение против Глогау. Для этого вы потребовали у Лаудона, чтоб он прислал вам туда осадную артиллерию, продовольствие и несколько войска; но легко было предвидеть, что Лаудон не был в состоянии этого сделать, когда король прусский все свое внимание обратил на него и пришел в Силезию с немалыми силами, будучи сам прикрыт крепостями и прикрывая их взаимно. Это ваше намерение и требование должны были возобновить в Лаудоне прежние предубеждения, а нам причинили тем сильнейшее сожаление, что мы больше всего твердили еще предместнику вашему, что отнюдь не надобно требовать невозможного, ибо это между союзниками рождает недоверие и несогласие и берет много времени.

Велико было, наконец, наше удовольствие, когда вы, покинув предприятие на Глогау, вознамерились идти прямо на Бреславль чрез Милич, подав о том формальное обнадеживание Лаудону, следовательно, приняв на себя новое обязательство. Когда силы прусского короля были так умеренны, что он мог только с нуждою удерживать барона Лаудона, то легко себе представить, на сколько частей нужно было бы ему разделиться, если бы устремлением вашим на Бреславль чрез Милич вы привели его в необходимость и защищать этот важный город, склад всех воинских потребностей, и караулить, чтоб и вы не перешли реку Одер, и Лаудон в то же время не приблизился бы к этой реке с которой-нибудь стороны. Но едва только генерал Цитен выступил против вас к Костянам, как вы, последуя всегда вашему усердию и желая вдруг сделать два дела, приняли намерение выиграть у него несколько маршей, отрезать его от Силезии и для того вместо Милича идти на Вартемберг, и притом думали, что для главных операций в Силезии довольно еще будет времени. Но теперь, конечно, вы сами жалеете, что и Цитена тотчас не атаковали и тем не вывели прусского короля и союзников его из предубеждения, будто наша армия никогда не атакует, и что походом на Вартемберг привели себя в необходимость искать соединения с Лаудоном только в окрестностях Брига. Вы в письме к барону Лаудону на его жалобы справедливо замечаете, что король прусский и прежде знал о желании вашем соединиться с австрийскою армиею. Мы сами не делали из этого большого

секрета; но дело было в том, чтоб неприятель не знал, в котором месте должно было произойти ваше соединение, а это и сделалось бы, если б вы прямо устремились на Бреславль. Пусть поставил бы тогда король генерала Цитена под Бреславлем защищать против вас этот город; принц бевернский в 1757 году под пушками этого же города и стоя в крепких ретраншементах потерял значительную армию; вы могли бы то же сделать и с Цитеном, а если бы даже и не сделали, то, имея превосходные силы, вы могли были, заняв Цитена малым корпусом и маскировав ваше отступление от Бреславля, тотчас перейти Одер, где король всего меньше этого ожидал бы. Тогда Цитен принужден был бы бежать через Бреславль и наше войско могло за ним по пятам войти в этот город; а король, несмотря на всю свою изобретательность, был бы принужден или беспрепятственно допустить соединение ваше с Лаудоном, или напасть на такие войска, которые уверены в победе.

Из реляции вашей от 25 июля мы увидали, что, несмотря на занятие нашими войсками высот около Бреславля, несмотря на незначительность гарнизона и отсутствие других неприятельских сил поблизости, несмотря на то что наши легкие войска свободно входили в предместье до самых ворот и что нельзя было опасаться нечаянного неприятельского приближения, ибо бригадир Краснощекков был на той стороне Одера, - несмотря на все это, вы держали военный совет, перед которым выставили все трудности покушения на Бреславль; военный совет, согласясь с вами относительно трудностей, предоставил все вашему благоусмотрению, и вы решили немедленно идти прямо на Лейбус и там или где удобнее переходить реку Одер и, если окажется возможность, сделать покушение на Бреславль и стараться о соединении с Лаудоном, если только не задержит на этой стороне ожидаемый из Польши подвоз провианта и денег. Но здесь, где дело требовало мужественного решения, вам не очень надобно было распространяться в совете о трудностях и опасностях, сопряженных с предприятием на Бреславль, и тем ослаблять в нем охоту, да и для членов совета постыдно, что ни один из них не подумал, не хотите ли вы, преувеличивая трудности, выведать, у кого из них достанет мужества преодолеть эти трудности. Впрочем, сказать по правде, здесь вовсе не было надобности в военном совете. Без дальнего рассмотрения мы и отсюда знаем, что формальная осада Бреславля не могла быть предпринята по недостатку осадной артиллерии, да если б и была артиллерия, то и тогда было бы опасно, перешед реку Одер, очутиться взаперти между Бреславлем и всеми силами короля прусского. Надобно было взять город приступом, что требовало не совета, а распоряжения и твердости. Чем обширнее этот город, тем легче было взять его приступом. И посильнее крепости взяты таким образом. Кто, имевши свободные руки под Бреславлем, ничего, однако, не сделал, тот походом своим к Лейбусу не может угрожать Глогау или Лигницу. При первом взгляде на карту Силезии ясно, что походом к Лейбусу вы затрудняете переход свой через Одер, а не облегчаете. Лейбус лежит против самого Лигница; генерал Кноблах, конечно, поспешит стать под этим городом, и если вы по

переходе вашем сперва не разобьете Кноблоха, а потом не возьмете Лигница, то вам от того места, где вы перейдете Одер, нельзя будет никуда тронуться, а еще меньше можно будет генералу Лаудону пройти к вам мимо Швейдница. Странно, что никто из генералов не заметил, что самое удобное место к переходу чрез Одер - это ниже впадения в него реки Вейды. Оставляя на этой реке небольшой отряд, вы прикрывали бы свой тыл и сообщение с магазинами в Польше, а переходя Одер гораздо выше Лейбуса, не подвергались бы вышеозначенным препятствиям, но ближе были бы и к предприятию на Бреславль, и к соединению с Лаудоном, и к получению продовольствия из графства Глацкого и Богемии по обещанию венского двора.

Надобность, чтоб оружие наше в нынешнюю кампанию отличилось важным и общему делу существенно полезным подвигом, так теперь возросла, что венский двор в ожидании, как пойдет кампания, не знает, какие дать министрам своим наставления на конгресс; а наши министры, имея указы поступать с твердостью, побуждать к тому же союзников и подкреплять их интересы, нашлись бы в жалком положении, если б оружие наше тому не соответствовало. Франция, с потерю Пондишери потеряв все свои владения в Восточной Индии, а в Германии успевши отбить нападение, принуждена теперь выносить всю гордость и высокомерие английского министерства. Датский двор колеблется между двумя сторонами, и его поведение зависит от окончания кампании. Если в нынешнюю кампанию не будет сделано ничего важного, то на будущую с трудом будем мы в состоянии привести к Одери армию, подобную настоящей, и найти скоро нужные для этого деньги. Если вспомнить, что третьего года, одержав неслыханные победы, не пользовались наилучшими обстоятельствами, что прошлого лета не искали и случаев к тому, а нынешнее лето армия наша проходит, также не видав неприятеля, то ясно представляется, что сохраненное до сих пор важное значение при мирных переговорах умалится, самые неоспоримые наши доказательства потеряют силу и союзники наши, не считая более наше содействие существенным, будут поступать только согласно собственным желанием, а прусский король убедится, что безрассудно давал он сражения нашим войскам, которые сами собою вредить ему не могут, обратит все свои силы против австрийского дома и, сделавшись сильнее прежнего, исключит нас из общего европейского действия, не сомневаясь, что и без его требования Пруссия возвратится к нему скоро сама собою.

Отступление ваше от Бреславля, когда и гарнизону там было мало, и неприятель не находился в близости и когда пришедший к этому городу на помощь генерал Кноблох не мог противиться легким нашим войскам, - отступление ваше при таких условиях необходимо должно произвести такое действие, что король прусский еще меньше склонен будет искать с вами сражения и еще меньше может ожидать или опасаться, чтоб вы напали на него или на какой-нибудь его корпус или взяли какую-нибудь из его посредственных крепостей. Поэтому должно ожидать, что он во многих

местах ослабит свои гарнизоны и, усиля, сколько можно, свою армию, устремится с нею против барона Лаудона. Такое неприятельское мнение не очень будет лестно для нашего оружия; но нет худа без добра, и вам представляется случай тем больший получить над королем верх, чем больше он уверен в своих преимуществах над вами. При наступлении такого случая вы должны живо изобразить генералитету и всей армии, как позорно ей неприятельское презрение и как наша и государства нашего слава требует отомстить ему за это презрение поражением.

Переписка ваша с бароном Лаудоном была причиною некоторой, хотя и скоро прекращенной, холодности. Но так как с того времени вы не исполнили ни одного из его требований, не успели какою-либо диверсиею оказать ему никакой помощи, то надобно опасаться, что неудовольствия с его стороны опять возобновятся и даже усилятся, а двор его может заподозрить, что наши указы к вам были не таковы, как ему сообщалось для сведения. В другое время на это можно было бы и не обращать большого внимания, но теперь, когда завязались общие переговоры, Пруссия подружилась с Портою и мы принудили венский двор поручить главные его силы Лаудону и до сих пор не можем сказать по справедливости, чтоб он не исполнил того, чего от него требовано, - теперь больше всего надобно остерегаться, чтоб не было ни малейшей холодности и несогласия, надобно каким-нибудь знатным предприятием доказать, что указы наши действительно были таковы, как сообщены венскому двору".

Неудовольствие на Бутурлина уменьшилось, когда он от 3 августа дал знать, что благополучно перешел Одер со всею армиею, занял Лигниц, виделся с Лаудоном и принял твердое решение подвинуться еще далее вперед. Фридрих II, не будучи в состоянии ни помешать соединению Бутурлина с Лаудоном и тем менее будучи в состоянии напасть на них, устроил себе укрепленный лагерь почти под пушками Швейдница и здесь решился ожидать нападения неприятеля или держать его в бездействии до тех пор, пока недостаток провианта принудит его удалиться. От 21 августа Бутурлин дал знать в Петербург, что 23 числа непременно нападет на неприятеля; но от 22 августа писал, что нападение оставлено, а вместо того принято намерение движением на Швейдниц принудить Фридриха II покинуть выгодное положение между Цейдлицем и Вирбеном, и в тот же самый день послана другая реляция, что и движение на Швейдниц отсоветовано бароном Лаудоном и потому принято решение оставить при Лаудоне корпус графа Чернышева до окончания кампании, а самому Бутурлину перейти Одер и двинуться к Глогау или куда-нибудь. В ответном рескрипте на эти реляции говорилось: "Не скроем от вас, что этими известиями мы были больше опечалены, чем если бы с войском нашим случилось какое-нибудь несчастье. Мы не будем теперь подробно разбирать, как много противоречия в ваших реляциях, как мало согласны с ними многие нам известные обстоятельства и с других сторон доходящие известия, ниже какие о том произойдут рассуждения и толкования как у приятелей, так и у неприятелей; все это сами вы легко себе можете

вообразить; однако нельзя оставить без примечания, что когда уже в разных на походе от Познани промедлениях так много было пропущено времени, то необходимо было надобно или за Одер не переходить и искать возможных операций на этой стороне, или, перешед Одер и соединившись с Лаудоном, стараться тотчас пользоваться этим соединением, превосходством сил и больше всего неприятельским смущением, вознаградить потерянное время, а не вновь тратить его на бесплодные и бесконечные советования. Но так как нельзя словами изобразить, какой венец славы висел над вами и как безвозвратно вы его потеряли; как невозможно словами поправить прошедшее или уничтожить всеобщее теперь мнение Европы, что во всю нынешнюю кампанию намеренно думали только об одном, как бы протянуть время и, ничего не сделав, возвратиться домой; а еще меньше что-либо с благопристойностию сказать нашим союзникам, зачем принудили мы венский двор отнять команду у графа Дауна и поручить ее барону Лаудону, зачем принуждали австрийцев делать большие убытки и заводить магазины для нашей армии, зачем приходили на их пропитание, следовательно, уменьшали его для них самих. Короткое могло бы быть на все это объяснение, а именно что вы хотели напасть на неприятеля, да случая и возможности к тому не было. Но мы сами по одному сличению обстоятельств и по собственным вашим донесениям уверены в противном, а союзники наши не только имеют очевидных свидетелей, но и письменное доказательство в ответной промемории вашей барону Лаудону, что не укрепление неприятельского лагеря помешало вам напасть на него. Тогда никаких еще не было укреплений; но вы, перешедши 12 верст, требовали продолжительного отдыха; а потом, как уже неприятель и укрепился, русским и австрийским генералитетом признано было, что напасть можно, для чего не только день, но и час был назначен. Но как все это ни к чему теперь не служит, то мы и приступаем к самому делу.

Повелеваем вам: 1) на крепость Глогау напрасного покушения не делать и времени не тратить; но 2), подвинувшись скорее к Франкфурту, тотчас занять Берлин по примеру прошлого года, с тою только разницею, что взять больше контрибуции с берлинцев за их неблагодарность и воспользоваться всем, чем только можно; 3) если принц Генрих для защиты Берлина вышлет против вас корпус, то непременно напасть на него без разбора и без совета. Этих бесплодных советований в нынешнюю кампанию столько было, что наконец самое слово "совет" омерзит; а чтоб наши войска не были способны к атакам, то это толкование может происходить только от завистников славы нашего оружия, и потому накрепчайше вам повелеваем: если кто дерзнет сказать, что наши войска не способны к атакам, того не только тотчас на месте арестовать, но как злодея в оковах сюда прислать; 4) надеяться можно, что походом вашим к Франкфурту прусские в Померании войска принуждены будут эту провинцию очистить; вам надобно стараться и этот корпус не упустить, а разбить и всего больше заботиться о занятии зимних квартир в Померании. Что же касается графа Чернышева с его корпусом, то мы опасаемся только

того, что принятое и относительно его намерение за какими-нибудь непредвидимыми приключениями отменится и он при австрийской армии оставлен не будет, ибо действительно теперь нет другого способа поправить происшедшее и доказать свету, что, несмотря на худое согласие операции, оба двора пребывают, однако, в теснейшем единодушии".

Дальнейшие движения Бутурлина подверглись также выговорам, тогда как приятная ведомость была получена от графа Чернышева, который извещал о взятии Швейдница австро-русскими войсками. В рескрипте императрицы к Бутурлину по этому случаю говорилось: "Немного было употреблено нашего войска к этому мужественному предприятию, только четыре гренадерские роты; но мы рады, что доказана способность нашего войска нападать. Австрийский генералитет и сам неприятель приписывают им несравненную похвалу: они всходили на стены как львы и, вошедши в город, так скоро построились, как будто для парада туда введены были". Кроме Чернышева Румянцев, отправленный для осады Кольберга, также беспокоил Бутурлина своим значением. Бутурлину предписывалось отдать в команду Румянцева столько войска и так его всем снабдить, как он сам потребует, и отнюдь не затруднять его и не смущать своими ордерами: "Ибо мы службою его и усердием и всем в нынешнюю кампанию распоряжением совершенно довольны". Бутурлин отвечал, что если он отправит большую часть войска, то у него самого останется очень мало, и на это получил рескрипт, где говорилось: "Примечаем мы со многим сожалением, что вы оказываете некоторую *жалузию* к той доверенности, какую удостоили мы графа Румянцева, как то явственнее всего усматривается из вашего короткого и сухого к нему ордера и из вашей реляции, будто бы по усилении его вся армия только в десяти полках состоять будет. Наша милость оказывается только по заслугам и достоинству, а отнюдь не как следствие уменьшения ее к другому. Вы остаётесь главным его командиром, а чин ваш и наша персональная к вам милость не могут вами повода подавать к жалузии против подчиненного".

Надеялись, что Румянцев взятием Кольберга хотя сколько-нибудь поправит дело, испорченное Бутурлиным. Современник (Болотов) говорит, что другого исхода деятельности Бутурлина и не ожидали в армии: "Характер сего престарелого большого боярина был всему государству слишком известен, и все знали, что не способен он был к командованию не только армиею, но и двумя или тремя полками. Единая привычка его часто подгуливать и даже пить иногда в кружку с самыми подлыми людьми наводила на всех и огорчение, и негодование превеликое. А как, сверх того, он был неуч и совершенный во всем невежда, то все отчаивались и не ожидали в будущую кампанию ни малейшего успеха, в чем действительно и не обманулись".

К печальному исходу кампании присоединилась еще измена генерала, которого имя очень часто упоминалось в журнале военных действий русской армии, и упоминалось обыкновенно при успешных действиях, -

начальника легких войск Тотлебена. Еще от 21 июня Бутурлин уведомил императрицу о странном происшествии: генерал-майор Тотлебен на походе своем к армии в Померанию в лагере при Берштейне с общего совета всех полковых командиров подчиненного ему корпуса 19 числа арестован за открытую его вредную службе переписку с неприятелем. Причины, побудившие к аресту, были следующие: 1) подполковник Аш, находившийся при Тотлебене для канцелярских дел, перехватил жидя, отправленного Тотлебенем в Кистрин; у этого жидя в сапоге нашли точный немецкий перевод с секретного ордера главнокомандующего, также с сообщенного Тотлебену от Бутурлина маршрута армии от Познани в Силезию и с собственноручной записки Тотлебена с шифрами; все эти бумаги были вложены в неподписанный куверт, но за печатью Тотлебена. 2) У жидя найден паспорт, данный ему Тотлебенем. 3) Капитан Фафиус получил от Тотлебена собственноручное приказание препроводить жидя с козаками в Кистрин. 4) У Тотлебена найдено запечатанное, но еще не отправленное письмо его в Берлин к банкиру Гоцковскому. Жид признался, что перевозил письма от принца Генриха прусского к Тотлебену и обратно; пакет, найденный у него в сапоге, он должен был отдать или коменданту, или принцу Генриху, или самому королю прусскому. По показанию Тотлебена, переписка его с принцем Генрихом состояла в том, что принц просил его не позволять своему корпусу так разорять королевские земли; а он, Тотлебен, отвечал, что если прусские чиновники сами будут выставлять требуемый провиант и фураж, то ни о каких солдатских своевольствах слышно не будет. К этому он прибавил в письме к принцу: "Что касается собственно меня, то принц может быть уверен, что я никаких грабительств не терплю, но по возможности отвращаю; что я не желаю никакого вознаграждения, но чтоб принц, как старый приятель, заступился за меня, чтоб возвратили мне сына моего, который у меня один только и есть и которого, ребенка 11 лет, силою взяли и в солдаты записали, чтоб также возвратили мне деревни мои, которые или вовсе отняты, или секвестрованы". Спустя недели с три явился жид Забадко и подал ему запечатанное письмо от короля; в письме говорилось, что король приказал всем ландратам и начальникам округов ехать к своим местам и ставить припасы на русское войско и потому Тотлебен должен содержать в своем войске добрый порядок и щадить прусские земли, а он, король, когда будет заключен мир, не оставит просьбы его о сыне и деревнях. Тотлебен отправил жидя с ответом, что никаких жалоб на разорение от русского войска не будет, причем просил уволить сына для продолжения учения. Через три недели после этого жид возвратился, привез увольнение сына Тотлебена и письмо к отцу: король обнадеживал его всякою милостию, если прекратит опустошения, производимые его отрядом. Далее Тотлебен показывал: "Уже три года думал я о плане, как бы схватить короля при каком-нибудь случае. Придумал я, что лучше всего будет, когда король вполне доверится жиду Забадке: тогда можно было бы уговорить короля к свиданию или разведать, когда и где он будет на рекогносцировке с малым числом людей. Потом приехал жид Забадко в третий раз с двумя

запечатанными кувертами: в одном находилась цифирьная азбука, а в другом - письмо от короля. В письме говорилось: принципал радуется, что приятель обнадеживает насчет пощады его земель; желает, чтоб приятель для облегчения подданных принципала служил еще эту кампанию, и просит дать знать, оборонительно или наступательно русская армия будет действовать этот год, будет ли отправлен корпус к Лаудону и завидует ли приятель, что идет новый претендент на кольбергское девство (Румянцев). Я отвечал, что приятель письмо от принципала получил и при первом случае будет отвечать. Жиду Забадке приказал я сказать королю, что очень желаю с ним видеться. Забадко приезжал еще раз с письмом от короля, исполненным обнадеживаниями милости и с требованием, чтоб написал ответ на прежние вопросы. Чтоб уклониться от ответа, я написал королю о моем новом назначении и сослался на приложения, которые к нему отправил; эти приложения и состояли в ордере и маршруте, полученных от фельдмаршала. Если б я, говорил Тотлебен, затевал что-нибудь опасное и противное долгу верности, то я ордер и маршрут послал бы прежде, а не тогда, когда уже ордер перестал быть секретным, потому что был исполнен. Как скоро я цифры в запечатанном куверте получил, показывал я их подполковнику Ашу, говоря: вот принес мне жид и цифры из королевского кабинета! Аш удивился, где он мог их достать? Я на то ему отвечал, что жид, конечно, сам бывает в королевском кабинете; я с Божиено помощью в нынешнем году короля уже прямо заведу, а цифры эти фельдмаршал иметь будет. Аш, если в нем еще искра честности и христианства есть, правду этого показания сам признать должен, так как я часто публично говаривал, что я в нынешнем году прямой удар нанести надеюсь. Гоцковский, будучи у меня, навевывался, к кому бы в Петербурге адресоваться, чтоб двор склонить в пользу короля; королю война наскучила, и он охотно бы употребил миллион или два. Я отвечал, что с петербургскими совершенно незнаком, но если б прислано было письменное предложение, то я переговорил бы с фельдмаршалом".

Тотлебена отправили в Петербург, после чего перехвачено было еще одно письмо к нему от Фридриха II: король писал, что не может дать ему просимого им имения (гершафта миличевского), но обещает дать другое, равное тому; отказывал ему и в просьбе развести его с женою, живущею в Силезии, объявляя, что для этого она сама должна подать прошение.

Неудачный исход кампании был тяжел русскому правительству особенно потому, что оно сильнее всех отвергало перемирие и настаивало на энергические действия, с помощью которых только и можно было принудить Фридриха II к *честному* миру для союзников. Мы уже видели, как в рескриптах Бутурлину выставлялось затруднительное положение России относительно главной союзницы - Австрии. Русский посол в Вене Кейзерлинг был назначен уполномоченным на Аугсбургский конгресс; на его место в Вену был назначен князь Дмитрий Мих. Голицын; но до его приезда туда был определен поверенным в делах племянник канцлера граф Александр Романович Воронцов. Соответственно этой перемене Эстергази

был отозван из Петербурга по причине или под предлогом болезни и на его место назначен граф Мерси д'Аржанто. От 21 июля молодой Воронцов писал дяде из Вены о разговоре своем с Кауницем: "Граф Кауниц со мною долго говорил, не скрываясь, что их немало удивляет медленность фельдмаршала графа Бутурлина; Кауниц рассуждал, что часто, опоздавши только 24 часа, можно лишиться успехов целой кампании". Воронцов писал также к дяде, что слышал стороною, будто Лаудон начинает отчаиваться в успехах кампании, видя такую медленность в движениях русской армии. От 14 августа Воронцов опять писал о неудовольствии Кауница на операции русского войска в Силезии; он рассуждал, что после перехода через Одер много бы уже можно было предпринять, но время упущено. Кауниц опасался, что русская армия, промедля, будет принуждена идти на Вислу к зимним квартирам и кампания останутся бесплодною. По словам Кауница, Лаудон предлагал Бутурлину, чего он хочет, сам ли напасть на короля или предоставить это нападение австрийцам с уговором, чтоб каждый из своей стороны подкреплял атаку двадцатью тысячами войска; но предложение это не произвело никакого действия. От 25 августа Воронцов писал, что Кауниц сильно беспокоится бездействием войска, тем более что неуспех кампании возбудит против него всех доброжелателей фельдмаршала Дауна, ибо известно, что императрица-королева почти против желания своего уступила требованию Кауница отдать большую часть войска под команду Лаудона. В Вене складывали всю вину на Фермора, который будто бы давно не скрывал своего недоброжелательства к австрийскому дому, оказывая при всяком случае нерасположение офицерам, присылаемым к русской армии из Вены, и жалуясь, что благодаря венскому двору он лишен главного начальства.

Любопытны известия Воронцова о том впечатлении, какое было произведено на Марию-Терезию взятием Швейдница. "Императрица, - писал Воронцов, - сама уменьшает важность этого дела и почитает невозможным удержание Швейдница зимою. Все эти дни ее величество была очень невесела, и причина тому - пристрастие ее к фельдмаршалу Дауну; раздражил ее император, который воспользовался взятием Швейдница, чтоб превознести Лаудона на счет Дауна; императрица с яростию заступилась за своего фаворита и с тех пор сама уменьшает важность действий Лаудона; в собрании при дворе, разговаривая с одним иностранным министром, сама выразилась, что находит великие трудности в расположении зимних квартир в Силезии, и все те, которые имели с нею в этот день дела, говорят, что никогда не видывали ее такою сердитою".

Сильно занимались в Вене осадю Кольберга, боялись, что если этот город не будет взят и русская армия уйдет на зимние квартиры к Висле, то прусское войско двинется из Померании в Саксонию и помешает здесь действиям австрийского войска.

В то время как в Вене толковали о печальном исходе кампании, из Парижа и Лондона русские послы доносили о печальном исходе мирных

переговоров между Францией и Англией. Преемник Мих. Петр. Бестужева при французском дворе граф Петр Григорьевич Чернышев доносил от 31 августа, что у герцога Шуазеля была конференция со всеми министрами союзных дворов. Рассказав подробно весь ход мирных переговоров между Францией и Англией, Шуазель именем королевским просил министров донести своим дворам, что Франция вела переговоры с согласия своих союзников и по общему соглашению, т. е. не смешивая особую свою войну с войною германскою, о прекращении которой предоставлено вести переговоры на Аугсбургском конгрессе, что для достижения с Англией особого мира с французской стороны оказана была особенная уступчивость - было пожертвовано всем, чем только можно; но Англия неумеренными, нескладно и умышленно спутанными требованиями и ответами обнаружила свое нежелание мира. Король поэтому принял намерение прервать эти бесплодные переговоры и повелел уверить всех своих союзников, что твердо намерен пребывать с ними в союзе, свято соблюдая свои обязательства.

Чернышев доносил, что неудача в Силезии и уход Бутурлина от Лаудона не будут иметь никакого влияния на решения французского двора, хотя извещал, что герцог Шуазель с большим огорчением отзывался об этих событиях, именно выразился, что издержки, употребленные на переход армии, не соответствуют ее успехам. Чернышев отвечал, что и две французские армии хотя было и соединились, но ничего не сделали неприятелю и, отступя с уроном, принуждены были бесполезно разойтись. Разговор заключился тем, что нынешняя кампания может почтаться неудачною для всех сторон и, чтоб поправить дело, надобно принять меры для успеха будущей кампании. На этом донесении канцлер сделал любопытное замечание для императрицы: "На продолжение нынешней войны и приемлемых сильных мер для произведения будущей кампании потребно великие суммы денег в наличии иметь, которых теперь в казне совсем нет. Ежели ваше импер. величество по поданным от конференции и: Сената докладам не соизволите милостивою резолюциею снабдить, я истинно не понимаю, каким образом возможно будет с пользою и начало будущей кампании учинить".

Из Лондона весною князь Александр Мих. Голицын доносил, что английский двор искренне желает прекратить германскую войну как очень убыточную и вовсе не столько старается о своем отдельном мире с Францией; поэтому в Англии больше всего боятся, чтоб предложение союзников о мире не сделано было только с целью выиграть время. Голицын описывал свой разговор с знаменитым Питтом, который уверял его, что Англия искренно желает мира, но не может покинуть прусского короля. "Он, - писал Голицын, - старался мне доказывать по своему обыкновению чрез свои хитрые и красноречивые изращения необходимость для Англии пребывать нераздельно и усердно с означенным монархом. Я только в кратких словах старался прекословить, утверждая, что, когда сей высокомысленный и дерзновенный государь истощенные

свои в настоящей войне силы паки со временем исправит, не преминет восстановленную тишину паки возмутить, разве Англия постановит себя охранительницею против покушений сего монарха. Господин Питт в своем ответе старался дать мне выразуметь, что на такие гарантии нельзя много полагаться и что, по его мнению, достаточною гарантиею может служить превосходство сил, каким обладает Россия. Прусский король не осмелится нарушить ее покой, и, следовательно, императрица, не имея причины опасаться предприятий сего монарха, которого силы истощены войною, не имеет и побуждений желать раздробления его государства". Питт говорил также Голицыну, что в Англии очень благодарны императрице за то, что такое полезное и Богу приятное дело мира начато и основано в Лондоне через русского министра. "Я уверен, - говорил Питт, - что восстановление европейской тишины отчасти или даже совершенно зависит от вашей государыни; по моему мнению, заключение германского мира подвержено великим затруднениям, ибо трудно соглашение столь великих государей, которые должны заключить мир не по принуждению, а единственно из великодушия и миролюбия; напротив того, отдельный мир Англии с Франциею может быть скоро заключен. Франция так истощена, что не может продолжать войну с Англиею, следовательно, Англия должна пользоваться этими благоприятными обстоятельствами и требовать от своего неприятеля очень выгодного мира; а державы, у которых нет ни флота, ни колоний в других частях света, не имеют причины принимать какое-либо участие в этой войне, она до них вовсе не касается". "По моему мнению, - отвечал Голицын, - европейские государи должны обращать на колонии такое же внимание, как и на европейские владения, по примеру Англии, которая хотя никаких владений в Германии не имеет, однако беспрестанно в ее дела вмешивается". "Франция, - продолжал Питт, - не должна ласкать себя надеждою, чтоб Ганновер служил ей дорогою в Америку или Индию".

Что касается ближайшего интереса России, то в Петербурге хотели воспользоваться переменою в английском министерстве, выходом из него графа Голдернеса и вступлением на его место графа Бюта, любимца нового короля Георга III. Воронцов отправил по этому случаю такое письмо Голицыну: "Понеже определенный на место графа Голдернеса новый статский секретарь натурально желать будет начало министерства своего знаменитым сделать, то вашему сиятельству весьма нужно постараться, менажируя к себе дружбу и уверенность сего в кредите находящегося министра, искусно внушать ему, что союз и дружба между ее императорским величеством и королем, его государем, будучи всегда натуральны, препятствуются токмо соединением их (англичан) с королем прусским, от которого они имели всегда справедливое опасение, а ныне одни бесплодные иждивения или обманчивую помощь; что ее императ. величество, пребывая в исполнении своих обязательств твердо и непоколебимо, весьма удалены вы присоветовать неравномерное английскому двору поведение, но деликатности его британского величества в наблюдении своих обязательств ни малейшего предосуждения

быть не может, если более свои собственные интересы в уважение возьмутся и когда в справедливое сравнение постановлены будут твердость и польза прежних союзников и натуральное оных паки сближение противу самокорыстных видов такого союзника, который за сильное ему вспоможение и усердие всей великобританской нации благодарен единственно случаю, и, обнажа пред нею теперь прямые свои склонности, толь большим будет ей неприятелем, что благоволением ее ласкать себя не может. И понеже оказывается, что Франция действительно хотела по поводу своей войны с Англиею захватить всю мирную негоциацию в свои руки, то с большею справедливостию здесь могли бы теперь желать искусным образом до того довести, чтоб Франция могла с Англиею только сноситься о партикулярном своем мире, пока конгресс собирается или продолжается, а Англия между тем трактовала б с здешним двором о мире короля прусского прелиминарно для решительного окончания на будущем конгрессе. Сего ради ваше сиятельство особое старание возымеете внушениями своими нечувствительно до того доводить".

Для начатия дела в Петербурге английскому посланнику Кейту вручена была записка, в которой говорилось, что так как императрица никогда не отменит своего намерения искать для себя и для своих высоких союзников мира прочного, честного и удовлетворительного и так как союзники ее находятся в таких же сентиментах, то теперь от его британского величества зависит содействовать справедливому миру Англии с Франциею и склонить короля прусского к справедливому удовлетворению обиженных сторон. От 20 июля Голицын дал знать своему двору о впечатлении, какое эта записка произвела в Англии: оба министра - граф Бют и герцог Ньюкестль - отозвались единогласно, что им очень нелегко и почти невозможно склонить к тому прусского короля, а потом сообщил инструкцию Фридриха II своим министрам в Лондоне, в которой говорилось, что он принял твердое намерение не уступать неприятелям ни пяди земли и что он согласен помириться на одном условии, чтоб каждый остался при том, чем владел в 1756 году. "Такое упрямство и несправедливость этого государя, - писал Голицын, - несколько беспокоят здешнее министерство, которое убеждёно, что без какого-нибудь справедливого вознаграждения обиженным сторонам покоя в Германии ожидать нельзя. Кампания нынешнего года должна означить намерения и здешнего и прусского двора относительно германского мира". Против этих слов канцлер Воронцов сделал заметку: "К немалому сокрушению, нынешняя кампания ни с которой стороны к благополучному окончанию сей проклятой войны надежды не подает".

От 7 сентября Голицын донес о разрыве мирных переговоров между Франциею и Англиею; от 25 сентября уведомил о выходе Питта из министерства и о разговоре своем с графом Бютом по этому случаю. "Хотя нельзя не жалеть, - говорил Бют, - что этот министр, необыкновенно даровитый и оказавший своему королю и отечеству великие услуги, оставил службу при таких критических обстоятельствах, однако, с другой

стороны, это было неминуемо по его крайнему честолюбию и властолюбию, по привычке его в продолжение пяти лет всеми повелевать и приводить в исполнение свои мнения без малейшего прекословия. Я по вступлении своем в министерство всячески старался быть с ним в согласии; но наконец, при последних обстоятельствах я принужден был не только поразниться с ним в мнениях, но и с крайнею твердостью держаться своих мнений. Видя, что остальные министры с ним несогласны, и насчитывая мало друзей в парламенте, Питт заблагорассудил выйти из министерства". Донося об этом разговоре, Голицын писал: "Выход из министерства Питта должно приписывать одному графу Бюту: он с нетерпением и немалою завистью смотрел на властолюбие и блестящие качества Питта, и все враги последнего беспрестанно раздували пламя несогласия между ними. И я в силу высочайшего наставления, данного мне, старался с крайним усердием этому же содействовать, внушая графу Бюту, что пока Питт будет оставаться в министрах, то вся честь и слава за счастливые для Англии события будет принадлежать ему одному в предосуждение другим министрам. Я уже с некоторого времени мог замечать добрый успех моих внушений, однако никогда не мог ожидать, чтоб перемена могла произойти так скоро. Перемена эта важна и полезна для общего дела, потому что, во-1), преемник Питта граф Эгрмонт не имеет нисколько достоинств своего предшественника; во-2), известное усердие Питта к интересам короля прусского и непреодолимая ненависть его ко Франции и ко всем тем, кто при настоящих обстоятельствах ей доброхотствует, в графе Эгрмонте не замечаются; в-3), надобно ожидать без Питта в парламенте большого сопротивления министерству: требования, денег на войну и на субсидии встретят большие препятствия".

В начале декабря, уведомляя свой двор о предстоящей войне Англии с Испаниею, Голицын изъявлял "раболепную радость", что благодаря этой новой войне Англия уже не будет обращать большого внимания на германскую войну и король прусский не получит от нее сильной помощи.

Но кроме Англии в Петербурге береглись, чтоб ближайшия державы - Швеция, Польша, Турция и Дания - не оказали какой-нибудь помощи королю прусскому. Граф Остерман начал год донесениями о шведском сейме: по этим донесениям выходило, что нельзя было опасаться выхода Швеции из союза, нельзя было опасаться и восстановления в Швеции самодержавия, хотя члены противной Сенату партии толковали, что в прошедший сейм власть королевская была так ослаблена, что Сенат ни о чем больше не думал, как о превращении монархической формы в аристократическую; но это стремление наносит Швеции страшный вред, и они при нынешнем сейме намерены противиться ему всеми силами и будут стараться ввести Сенат в предписанные ему пределы. Когда французский посол объявил Остерману о мирных предложениях, сделанных Франциею союзникам, в том числе и Швеции, то Остерман обратился к Гепкину с вопросом, не сделано ли при этом намеков и о мирных условиях. Гепкин отвечал, что пока еще не сделано, но потом на словах по секрету сообщил

ему, что если Швеция согласится на мир, то посол уполномочен подать другой мемориал, где будет предложено, не заблагорассудит ли Швеция отказаться от прежде обещанного земельного вознаграждения и удовольствоваться уплатою всех военных убытков. Но любопытно, что, по донесению Остермана, в высших стокгольмских кругах указывали именно на те мирные условия, на каких впоследствии действительно заключен был мир всеми воюющими державами, т. е. что прусские владения останутся нетронутыми, как были до начала войны. Как будет принято французское предложение, в какой форме дан будет ответ на него - это, разумеется, зависело от отношений между партиями, которых было четыре: первая - сенатская, преданная Франции; вторая - партия полковника Пехлина, который, отстав от первой партии, соединил около себя всех тех, которые получили от правительства какое-нибудь неудовольствие; Пехлин человек хитрый и, будучи употреблен в прошедший сейм французскою партией для раздачи денег, знает все бывшие тогда интриги, и это знание употребляет он теперь против французской партии; третья - старая русская партия, известная под именем Ночных Колпаков; четвертая - преданная двору. Три последние партии на сейме составляли одну, потому что все одинаково действовали против Сената и в своем соединении представляли большинство, хотя во всем остальном они между собою совершенно несогласны. В шведском ответе на французскую декларацию говорилось, что Швеция очень рада вступить в мирные переговоры; король желает скорого мира, если он может его заключить согласно своему достоинству и верности, с какою постоянно сохраняет свои обязательства к союзникам.

Между тем сенатор Гепкин вследствие сильного неудовольствия против него на сейме должен был отказаться от заведования иностранными делами, что было очень неприятно Остерману, который надеялся через него узнавать многое, тогда как преемник его граф Экеблатт был в полной зависимости от французского посла. Свой двор Остерман опять должен был успокаивать относительно слухов о восстановлении самодержавия в Швеции: эти слухи пришли в Петербург от Корфа из Копенгагена. Остерман писал, что это дело невероятное, и прежде всего потому, что король не пользуется народною любовью, а королева, по ее нраву, - еще менее и всем известно, что король во всем слушается королевы. Слух пущен нарочно французским послом в Стокгольме Давренкуром и датским - Шаком, которые вместе употребляют все средства, чтоб спасти своих друзей, членов сенатской партии, и распространили вести, что придворная партия затевает что-то против шведской вольности.

Когда в Стокгольм был доставлен русский ответ на французскую декларацию о мире, то король поручил своему министру в Петербурге барону Поссе обнадежить русское правительство, что Швеция относительно мира не будет ничего делать без общего согласия и не оставит требовать совета императрицы; но Остерман дал знать своему двору, что в будущую кампанию нельзя ожидать от Швеции сильных действий по недостатку денег, по неисправности платежа французских

субсидий, по явному неудовольствию народа, зачем начата была война, по сильному желанию прекратить убыточную войну, до начала которой армия состояла из 32000 человек, а теперь в Померании и с больными было не более 18000; хотя набор рекрут и был решен и они собраны, но без денег нельзя было их обмундировать и перевезти в Померанию.

В конце июля Остерман сообщил об усилении французской партии, которой еще прежде удалось деньгами склонить Пехлина на свою сторону. Но дворянское собрание выключило Пехлина из своей среды, несмотря на все усилия и денежные раздачи французской партии. Споры о Пехлине едва не повели к драке. Донося об этом, Остерман писал: "Я с своей стороны в таких критических обстоятельствах в разговорах своих, не вступая в их распри, стараюсь им внушать тишину и доброе согласие". На это Воронцов замечает: "Чтоб и впредь в подобных внутренних шведских делах разумную осторожность имел и отнюдь ни в чем не мешался". Несмотря на то, Остерман предложил своему двору пенсией и обещанием защиты привлечь на свою сторону сенатора Гепкина как человека, очень влиятельного по своему уму.

От 21 декабря Остерман уведомил, что Экеблатт объявил ему именем королевским, что война становится для Швеции страшно тяжка и король желает усугубить все способы к возобновлению общих мирных переговоров. К этому Остерман прибавлял, что шведский народ до такой степени наскучил войною, что Россия, по крайней мере письменными декларациями, не должна подавать вида, что хочет принудить Швецию к продолжению войны, ибо в противном случае Франция всю ненависть шведов обратит на Россию.

В Польше русский посланник Воейков по-прежнему старался помешать сношениям Пруссии с Турциею; в январе он писал, что опять домогался у графа Брюля, нельзя ли каким-нибудь тайным образом схватить прусского курьера; Брюль по-прежнему обнадеживал, что употребляются для этого всевозможнейшие способы, а зять его граф Мнишек говорил: "Мы имеем достоверные известия, что прусские курьеры, переодетые то в польское, то в волошское платье, препровождаются стараниями кастеляна краковского графа Понятовского и воеводы русского князя Чарторыйского чрез их имения, которые доходят до самых молдавских границ". Воейков заявил Брюлю, что у него 1000 червонных, назначенных на перехват прусских курьеров; но Брюль отвечал, что деньгами трудно что-нибудь сделать, потому что преданные прусскому королю вельможи посылают провожать курьеров большие отряды войска; не лучше ли для этого употребить русские отряды под предводительством искусного офицера, который бы явился в Польшу под предлогом закупки провианта для армии. Но этот способ с русской стороны признан еще более трудным.

Относительно собственно польских дел Воейков донес о любопытном разговоре своем с епископом краковским Солтыком. Епископ объявил ему,

что уезжает из Варшавы и долго не возвратится благодаря французскому послу маркизу де Поми, который мешается во все дела и производит сильную смуту; граф Брюль сначала противился ему, а потом ловкий француз с помощью дочери Брюля графини Мнишек успел совершенно овладеть Брюлем, так что тот начал во всем его слушаться, несмотря на предостережения зятя своего Мнишка и его, бискупа. Это, говорил Солтык, очень вредно для республики на будущее время ввиду старости короля. Французы хотят усилить свою партию, чтоб доставить корону принцу Ксаверию, второму сыну короля Августа, вполне преданному Франции; граф Брюль поддерживает принца Ксаверия, потому что старший сын короля, наследный принц саксонский, к нему нерасположен. Граф Мнишек в дружеском разговоре с Воейковым также высказал свое неудовольствие против французского посла, который успел обмануть и тестя его графа Брюля. Воейков при этом давал знать своему двору, что французский посол ездил в Пулавы, имение князя Чарторыйского, для свидания с последним; туда же ездил и датский посланник Остен.

Беспокойство русского двора относительно прусских курьеров объясняется известием Обрезкова из Константинополя, что 20 марта заключен дружественный и торговый договор между Пруссией и Портою. Несмотря на характер договора, он произвел в Петербурге очень неприятное впечатление, потому что мог ободрить подданных прусского короля, сделать его требовательнее при мирных переговорах и давал ему возможность держать в Константинополе открыто своего министра. Обрезков советовал своему двору остаться совершенно равнодушным к этому делу, ибо если будут с русской стороны сделаны какие-нибудь представления, то Порта может дать на них суровый ответ, что поведет к нарушению добрых отношений между двумя государствами. Совершенное молчание будет более соответствовать достоинству и могуществу русской империи, чем какие-нибудь представления, из которых Порта заключит, что договор ее с Пруссией имеет важное значение в глазах императрицы, и это умножит только ее азиатскую гордость и величанье. Совет был принят, и последствия показали его пользу.

Угроза войною пришла не с юга, а с севера, и оттуда, откуда менее всего ее ожидали. 11 июля в 9 часов утра приехал к канцлеру датский чрезвычайный посланник граф Гакстгаузен и объявил, что ему велено от короля сделать русскому двору словесное и дружественное внушение, что так как его датское величество с сожалением принужден видеть, как мало великий князь всероссийский и герцог шлезвиг-голштинский оказывает склонности к любовной сделке в своих распрях с короною датскою и продолжает пребывать в прежнем своем недоброжелательстве к Дании, от которого последняя в рассуждении будущего времени не может никогда быть в безопасности, то его величество по необходимой нужде в последний раз требует скорого и категорического на представления свои ответа, поручивши в противном случае посланнику своему объявить формально, что его датское величество будет уже почитать великого князя явным себе

неприятелем и потому станет принимать меры свои против как его высочества, так и Российской империи. Канцлер отвечал, что угрозы употреблены совершенно некстати и русский двор их не испугается.

Действительно, коллегия Иностранных дел получила такой рескрипт: "Ошибается датский двор, если от своих угроз ожидает желаемого действия. Ошибается не потому, чтоб мы почитали эти угрозы одними пустыми словами, вовсе нет! мы предполагаем, более того, на что, быть может, сама Дания отважится; мы уже воображаем себе, что она вступила с неприятелями нашими в тесный союз, отважилась наконец испытать свои силы, которыми столько лет парадировала и которыми друзей и соседей своих то манила, то тревожила. Мы не презираем ее сил; но, чем важнее опасность и существеннее, тем больше мы поставим себе в славу и тем больше найдем способов защищать утесненную невинность и честь и значение нашей империи. Но так как много уже пожертвовано нами для утверждения спокойствия на Севере, то и теперь не хотим удовольствоваться теми стараниями, которые употреблены были нами до сих пор для сохранения дружбы с датским двором, а следовательно, и тишины на Севере. Мы хотим с нашей стороны сделать все, что может или отвратить разрыв с Даниею, или неоспоримо доказать всему свету, что не от нас зависело предупредить бедствия там, где страсть превозмогает над справедливостию и самым здравым рассудком. Поэтому мы присоветовали его высочеству великому князю благополучие земель его предпочесть справедливому негодованию и не только не прерывать переговоров с датским двором, но по возможности и облегчать их. И сами намерены мы, употребляя наше посредничество, прилагать все старание, чтоб согласить толь различные интересы и справедливым удовлетворением обеих сторон недоверки и подозрения превратить в доброе согласие. Поэтому мы ласкаем еще себя надеждою, что дело не дойдет ни до какой печальной крайности. Однако, чтоб не усыпить себя надеждою, повелеваем нашей коллегии Иностранных дел нашему министру в Копенгагене Корфу предписать, чтоб он содержание этого рескрипта сообщил тамошнему двору прочтением как бы экстракта из депеши, прибавив, что хотя выражения рескрипта не очень ласкательны, но в точности изъясняют прямые наши намерения, да притом и сам датский двор употребил невеликую умеренность в выражениях; далее прибавил бы, что если датский двор начнет каким-нибудь образом приводить в действие свои угрозы или нарушит настоящий свой нейтралитет и даст малейшую помощь нашим неприятелям, то он, Корф, имеет в запасе указ тотчас оставить тамошний двор; пусть он немедленно едет в Гамбург и там ожидает дальнейшего нашего указа. Это мы предписываем в том чаянии, что Дания уже приняла свои меры, и потому, с какою бы твердостью ей говорено ни было, ничего этим испортить уже нельзя. Но так как может случиться и противное нашему чаянию, а именно что датский двор жалеет уже о сделанных им угрозах или вследствие какого-нибудь счастливого для союзников события пришел на другие мысли, то на такой случай надлежит Корфу предписать, чтоб он не читал датскому двору этого указа, но

объявил бы, что так как с нашей стороны не подано датскому королю ни малейшего повода к жалобам и не видим мы, по какому праву мог бы датский король признавать великого князя явным себе неприятелем, разве потому только, что великий князь неохотно уступил бы такую землю, которая принадлежит ему по всем правам, то и не могли мы увериться, чтоб данные графу Гакстгаузену указы были точно таковы, как он их предъявил, почему и не хотели подробно отвечать на них".

Датский двор изъяснил умеренность и стал только хлопотать о том, чтоб союзники России взяли на свою медиацию полюбовное решение голштинского дела. Но союзники, естественно, стояли за Россию и не хотели усложнять свои отношения голштинским вопросом; сама Англия объявила, что не примет участия в этом вопросе.

Выстрел был сделан понапрасну, потому что Россия не испугалась, а исполнить угрозу - на это датский двор не мог решиться в то время, когда единственный государь, могший поддержать Данию, Фридрих II, находился в отчаянном положении, покидаемый единственною союзницею своею Англиею; надежды, которые князь Голицын соединял с выходом Питта из министерства, исполнялись: Бют действовал явно против прусских интересов. После Кунерсдорфа Фридрих II уже не мог поправиться. Он должен был переменить наступательную войну на оборонительную, но и для этой недоставало более средств, страна была запустошена, войско потеряло дух, лучшие офицеры были побиты или взяты в плен; Фридрих сам говорил, что войско его уже не то, каким было в начале войны, годится только для того, чтоб пугать им издали неприятеля. Фридрих видел ясно, что враги его хотя медленно, но достигают своей цели, что борьба для него становится невозможною; но как прекратить ее? Миром, какого требуют они, - честным для них и позорным для него, согласиться на раздробление того, что было собрано, сплочено с такими усилиями, потерять Силезию, Померанию, саму Пруссию, ту область, по которой он был королем, из прусского короля стать опять только бранденбургским курфюрстом? - с этою мыслию, разумеется, Фридрих не мог помириться, и другая мысль - о том, чтоб уйти от позора насильственною смертию, все глубже и глубже западала в его голову.

Положение Фридриха становилось тем опаснее, что на будущий год нельзя было рассчитывать на медленность движений русской армии и бестолковость действий последнего главнокомандующего - Бутурлина. Это был четвертый главнокомандующий в пять лет войны, и все четверо отличались одним характером и одинаким способом действий. Все четверо достигли важных военных чинов *по линии*, все четверо не имели способности главнокомандующего; они шли медленно на помочах конференции, двигались в указанном направлении: встретят неприятеля, выдержат его натиск, отобьются, а иногда после сражения увидят, что одержали великую победу, в пух разбили врага; но это несколько не изменит их взгляда на свои обязанности, несколько не изменит их способа

действий, не даст им способности к почину; они не сделают ни шагу, чтоб воспользоваться победою, окончательно добить неприятеля, по-прежнему ждут указа с подробным планом действий. А тут еще сильное искушение - австрийцы с каким-нибудь Дауном-кунктатором! Мы бились и разбили неприятеля, а что же австрийцы? Пусть теперь они бьются, пусть и добьют неприятеля, мы им не будем завидовать, нам надобно отдохнуть, позаботиться о главном - о сохранении победоносной армии ее император. величества, о сохранении приобретенной ее оружием славы, и как только придет обычное известие, что грозит недостаток провианта и фуража, то и начинается движение назад, к заветным берегам Вислы, к магазинам. Вот почему историк, внимательно изучивший весь ход прусской войны, не станет повторять слуха, пущенного из французского посольства в Петербурге, что Апраксин отступил к границам после победы, потому что получил от Бестужева известие о болезни императрицы; а все преемники его по каким письмам делали то же самое? Тут не было и тени военного искусства, военных способностей и соображений; война производилась первобытным способом: войско входило в неприятельскую землю, дралось с встретившимся неприятелем и осенью уходило назад. В Петербурге в конференции хорошо понимали это и писали: "Прямое искусство генерала состоит в принятии таких мер, которым бы ни время, ни обстоятельства, ни движения неприятельские препятствовать не могли". Но этому искусству ни Апраксину, ни Фермору, ни Солтыкову, ни Бутурлину нельзя было выучиться из присылаемых к ним рескриптов.

Но в Петербурге еще оставались предания Петра Великого, помнился взгляд его на войну как на живую практическую школу, в которой всего лучше развиваются военные таланты; в Петербурге сравнивали настоящую войну против искуснейшего полководца времени с войною против Карла XII; ждали тех же результатов и не обманулись: из школы начали выходить хорошие ученики. В самом начале войны иностранец, опорочивший всех русских генералов, с уважением остановился пред молодым графом Румянцевым как человеком, употребившим много труда, чтоб сделать себя способным к службе, приобретшим обширные теоретические познания. К этим теоретическим познаниям пятилетняя война прибавила еще практику; Румянцев выдается из ряду генералов, и ему поручают поправить кампанию 1761 года - взять Кольберг, под которым уже два раза русское войско терпело неудачу. Иностранец находил в Румянцеве один недостаток - горячность; но старшие русские генералы отличались до сих пор такою холодностию, что противоположное качество могло быть почтено необходимым противуядием. Фридрих II употребил все усилия, чтоб отстоять Кольберг; но 1 декабря Румянцев окончательно отбил герцога Евгения Виртембергского, который старался доставить в Кольберг съестные припасы, после чего крепость принуждена была сдаться.

Посылая в Петербург ключи Кольберга, Румянцев писал императрице: "Благополучие мое тем паче велико, что по времени считаю я сие первое приношение сделать к торжественному дню рождения вашего импер.

величества, теплые воссылая молитвы ко Всевышнему о целости неоцененного вашего здоровья, о долголетнем государствовании и ежевременном приращении славы державе вашего импер. величества, толикими победами увенчанной". Это донесение Румянцева о последнем действии русского войска в Семилетнюю войну было обнародовано 25 декабря, в последний день жизни Елисаветы.

В начале года уже встречаем известие о болезненном состоянии императрицы, которая слушала доклады, лежа на постели. Елисавете очень хотелось пожить в новом Зимнем дворце, и 19 июня генерал-прокурор по ее указу предложил Сенату употребить старание, чтоб в новостроящемся Зимнем доме хотя б ту часть, в которой ее импер. величество собственный апартамент имеет, как наискорее отделать; но апартамент не отделялся, и для окончательной отделки всего Зимнего дома Растрелли запросил 380000 рублей и на первый раз - 100000. Между тем пошли большие неприятности. 29 июня огонь истребил по Малой Неве в пяти корпусах 83 амбара с пенькою и льном да на реке много барок; купцы потерпели убытка с лишком на миллион рублей. Императрица велела Сенату придумать поскорее средство, как помочь погоревшим. Обратились к Купеческому банку: в нем было денег только 729539 рублей, и Сенат решил употребить на помощь погорельцам 280000 рублей; распределение ссуды возложено на комиссию о коммерции.

Сильно беспокоило старание Франции о мире и перемирии; когда опасность исчезла с этой стороны, стали приходить известия о печальном ходе кампании, на которую возлагалось столько надежд. Нужно было готовиться к новой кампании при крайне затруднительном положении финансов. Бутурлин оказывался совершенно неспособным к командованию войском; генерал-прокурор князь Шаховской просился в отставку, выставляя, что изнемогает под бременем дел; граф Мих. Ларионов. Воронцов, великий канцлер с конца 1758 года, нашел бестужевское наследство не по силам своим; он постоянно жаловался на болезнь, просился в отставку или требовал к себе в помощники князя Александра Мих. Голицына, бывшего посланником в Лондоне, т. е. требовал сведения искусного дипломата с самого важного поста; граф Петр Ив. Шувалов был почти постоянно и опасно болен.

17 ноября Елисавета почувствовала лихорадочные припадки, но по принятии лекарства совершенно оправилась и занялась делами. 3 декабря вошел в Сенат кабинет-секретарь Олсуфьев и объявил высочайшие повеления: императрица приказала объявить Сенату свой гнев за то, что в делах и в исполнении именных указов происходят излишние споры и в решениях медленность, значит, или не хотят, или не умеют решить дел. Несколько месяцев тому назад последовала конфирмация об отправлении бригадира Суворова для управления нерчинскими заводами, и он до сих пор еще не отправлен. Обер-церемониймейстер барон Лефорт безвыходно находится в Сенате и не слышит решения по своему делу, тогда как

приличнее было бы доносчика на него Рубановского арестовать: решить дело немедленно, без всякого отлагательства, чтоб не было стыдно пред иностранцами и государственный кредит не был поврежден. Императрица давно уже приказала определить при Петербургском порте в браковщики пеньки и льну купца Герасимова, но это приказание до сих пор не исполнено. Разные присланные в Сенат из Кабинета челобитные остаются без решения. Ее импер. величеству известно, что из сенаторов в присутствие не все ездят: одни - редко, а другие - почти никогда, отчего в делах остановка; если кто ездить не будет, доносить императрице. О вспоможении погоревшим в последний большой пожар (29 июня) повеление ее импер. величества было, но до сих пор ничего не сделано.

12 декабря Елисавете стало опять дурно: началась жестокая рвота с кровью и кашлем; медики - Моисей, Шилинг и Круз - решили отворить кровь и очень испугались, заметив сильно воспаленное ее состояние. Несмотря на то, через несколько дней императрица, казалось, оправилась. 17 декабря Олсуфьев опять вошел в Сенат и объявил именной указ: содержащихся во всем государстве и приличившихся по корчемству людей освободить, следствия уничтожить, сосланных возвратить, Сенату с прилежанием и немедленно изыскать способ, как бы заменить соляной доход, потому что он собирается с великим разорением народным и определенные к тому люди не поступают прямо по должности своей.

20 декабря Елисавета чувствовала себя особенно хорошо; но на третий день, 22 числа, в 10 часов вечера началась опять жестокая рвота с кровью и кашлем; медики заметили и другие признаки, по которым сочли своим долгом объявить, что здоровье императрицы в опасности. Выслушав это объявление, Елисавета 23 числа исповедовалась и приобщилась, 24 соборовалась. Болезнь так усилилась, что вечером Елисавета заставляла дважды читать отходные молитвы, повторяя сама их за духовником. Агония продолжалась ночью и большую половину следующего дня. Великий князь и великая княгиня находились постоянно при постели умирающей. В четвертом часу пополудни отворились двери из спальни в приемную, где собрались высшие сановники и придворные; все знали, что это значило. Вышел старший сенатор князь Никита Юрьевич Трубецкой и объявил, что императрица Елисавета Петровна скончалась и государствует его величество император Петр III; ответом были рыдания и стоны на весь дворец. Новый император отправился на свою половину; императрица Екатерина Алексеевна осталась при теле покойной императрицы.

При отсутствии внимательного изучения русской истории XVIII века обыкновенно повторяли, что время, протекшее от смерти Петра Великого до вступления на престол Екатерины II, есть время печальное, недостойное изучения, время, в котором на первом плане видели интриги, дворцовые перевороты, господство иноземцев. Но при успехах исторической науки вообще и при более внимательном изучении русской истории подобные взгляды повторяться более не могут. Мы знаем, что в древней нашей

истории не Иоанн III был творцом величия России, но что это величие было приготовлено до него в печальное время княжеских усобиц и борьбы с татарами; мы знаем, что Петр Великий не приводил России из небытия в бытие, что так называемое преобразование было естественным и необходимым явлением народного роста, народного развития, и великое значение Петра состоит в том, что он силою своего гения помог своему народу совершить тяжелый переход, сопряженный со всякого рода опасностями. Наука не позволяет нам также сделать скачок от времени Петра Великого ко времени Екатерины II, она заставляет нас с особенным любопытством углубиться в изучение посредствующей эпохи, посмотреть, как Россия продолжала жить новою жизнью после Петра Великого, как разбиралась она в материале преобразования без помощи гениального императора, как нашлась в своем новом положении, при его светлых и темных сторонах, ибо в жизни человека и в жизни народов нет возраста, в котором бы не было и тех и других сторон.

На Западе, где многие беспокоились при виде новой могущественной державы, внезапно явившейся на востоке Европы, утешали себя тем, что это явление преходящее, что оно обязано своим существованием воле одного сильного человека и кончится вместе с его жизнью. Ожидания не оправдались именно потому, что новая жизнь русского народа не была созданием одного человека. Поворота назад быть не могло, ибо ни отдельный человек, ни целый народ не возвращается из юношеского возраста к детству и из зрелого возраста к юношеству; но могли и должны были быть частные отступления от преобразовательного плана вследствие отсутствия одной сильной воли, вследствие слабости государей и своекорыстных стремлений отдельных сильных лиц. Так, некоторое противодействие петровским началам обнаружилось в усилении личного управления в областях, в надстройке лишнего этажа над Сенатом то под именем Верховного тайного совета, то под именем Кабинета. Но более печальные следствия имело отступление от мысли Петра Великого относительно иностранцев. Самая сильная опасность при переходе русского народа из древней истории в новую, из возраста чувства в возраст мысли и знания, из жизни домашней, замкнутой в жизнь общественную народов, - главная опасность при этом заключалась в отношении к чужим народам, опередившим в деле знания, у которых поэтому надобно было учиться. В этом-то ученическом положении относительно чужих живых народов и заключалась опасность для силы и самостоятельности русского народа, ибо как соединить положение ученика с свободой, самостоятельностью в отношении к учителю, как избежать при этом подчинения, подражания? Примером служили крайности подчинения западных европейских народов своим учителям - грекам и римлянам, когда они в эпоху Возрождения совершали такой же переход, какой русские совершили в эпоху преобразования, с тем различием, что опасность подчинения уменьшалась для западных народов тем, что они подчинялись народам мертвым, тогда как русский народ должен был учиться у живых учителей. Тут-то Петр и оказал великую помощь своему народу, сокращая

сроки учения, заставляя немедленно проходить практическую школу, не оставляя долго русских людей в страдательном положении учеников, употребляя невероятные усилия, чтоб относительно внешних по крайней мере средств не только уравнивать свой народ с образованными соседями, но и дать ему превосходство над ними, что и было сделано устройством войска и флота, блестящими победами и важными приобретениями, ибо это вдруг дало русскому народу почетное место в Европе, подняло его дух, избавило от вредного принижения при виде опередивших в цивилизации народов. Петр держался постоянно правила поручать русским высшие места военного и гражданского управления, и только второстепенные могли быть заняты иностранцами. От этого-то важного правила уклонились по смерти Петра: птенцы его завели усобицы, начали вытеснять друг друга, ряды их разредели, а этим воспользовались иностранцы и пробрались до высших мест; несчастная попытка 1730 года нанесла тяжкий удар русским фамилиям, стоявшим наверху, и царствование Анны является временем бироновщины. Как бы ни старались в отдельных частных чертах уменьшать бедствия этого времени, оно навсегда останется самым темным временем в нашей истории XVIII века, ибо дело шло не о частных бедствиях, не о материальных лишениях: народный дух страдал, чувствовалась измена основному, жизненному правилу великого преобразователя, чувствовалась самая темная сторона новой жизни, чувствовалось иго с Запада, более тяжкое, чем прежнее иго с Востока - иго татарское. Полтавский победитель был принижен, рабствовал Бирону, который говорил: "Вы, русские... "

От этого ига избавила Россию дочь Петра Великого. Россия пришла в себя. На высших местах управления снова явились русские люди, и когда на место второстепенное назначали иностранца, то Елисавета спрашивала: разве нет русского? Иностранца можно назначить только тогда, когда нет способного русского. Народная деятельность распеленывается уничтожением внутренних таможен; банки являются на помощь землевладельцу и купцу; на востоке начинается сильная разработка рудных богатств; торговля с Среднею Азиею принимает обширные размеры; южные степи получают население из-за границы, - население, однородное с главным населением, поэтому легко с ним сливающееся, а не чуждое, которое не переваривается в народном теле; учреждается генеральное межевание; вопрос о монастырском землевладении приготовлен к решению в тесной связи с благотворительными учреждениями; народ, пришедший в себя, начинает говорить от себя и про себя, и является литература, является язык, достойный говорящего о себе народа, являются писатели, которые остаются жить в памяти и мысли потомства, является народный театр, журнал, в старой Москве основывается университет. Человек, гибнущий прежде под топором палача, становится полезным работником в стране, которая более, чем какая-либо другая, нуждалась в рабочей силе; пытка заботливо отстраняется при первой возможности, и таким образом на практике готовится ее уничтожение; для будущего времени готовится новое поколение, воспитанное уже в других

правилах и привычках, чем те, которые господствовали в прежние царствования, воспитывается, готовится целый ряд деятелей, которые сделают знаменитым царствование Екатерины II.

Но, говоря о значении царствования Елисаветы, мы не должны забывать характер самой Елисаветы. Веселая, беззаботная, страстная к утехам жизни в ранней молодости, Елисавета должна была пройти через тяжкую школу испытаний и прошла ее с пользой. Крайняя осторожность, сдержанность, внимание, умение проходить между толкающими друг друга людьми, не толкая их, - эти качества, приобретенные Елисаветою в царствование Анны, когда безопасность и свобода ее постоянно висели на волоске, эти качества Елисавета принесла и на престол, не потеряв добродушия, снисходительности, так называемых патриархальных привычек, любви к искренности, простоте отношений. Наследовав от отца умение выбирать и сохранять способных людей, она призвала к деятельности новое поколение русских людей, знаменитых при ней и после нее, и умела примирять их деятельность, держать в приближении Петра Шувалова и в то же время возвышать Шаховского. При этом, разумеется, большую службу служила ей осторожность, заставлявшая ее не вдруг решать дела по внушению того или другого лица, но выслушивать и других, соображать их мнения, думать и долго думать. "Я долго думаю, - говорила Елисавета, - но если раз на что-нибудь решилась, то не оставлю дела, не доведши его до конца". Эта-то медленность и явилась главным обвинительным пунктом против Елисаветы. Но спрашивается: кто обвинитель?

Долгое время мы были в самом плачевном положении относительно нашей истории XVIII века. Благодаря обширным историческим трудам, обнимавшим исключительно древнюю русскую историю, мы могли знать подробности о великом князе Изяславе Мстиславиче и остались в совершенном мраке относительно лиц и событий XVIII века. Здесь главными источниками служили, во-первых, анекдоты, постоянно искажавшиеся при переходе из уст в уста и дававшие неправильное представление о лице и действии по отрывочности, односторонности, какой бы стороны ни касались, хорошей или дурной; во-вторых, известия иностранцев, которые читались с жадностью именно за отсутствием своих, и особенно донесения послов. Как не верить такому источнику: посол занимает важный пост, он в сношениях с государями и министрами, он знает все, как было, должен знать, потому что обязан сообщать верные сведения своему двору. Действительно, это источник важный, можно найти в нем чрезвычайно любопытные известия, подробности: но с какою же осторожностью надобно относиться к этим известиям, к этим подробностям! Нет свидетеля, который был бы менее беспристрастен и от которого в большинстве случаев старались бы более скрывать правду, как иностранный посланник. Если он хвалит, то кого он хвалит? Человека, который ему поддается, часто с нарушением интересов родной страны, и, как скоро этот самый человек окажет менее податливости, посол, не помня прежнего, начинает бранить его. Если посол встречает препятствия в

проведении какого-нибудь нужного для его двора дела, то препятствия эти, по его словам, не оттого, что дело это, в целом или частях, несогласно с интересами страны, нет, они происходят непременно от интриги неблагонамеренных людей. Мы знаем теперь, откуда происходила медленность Елисаветы в решении важных дел; но иностранные послы, которым нужно было решить дело как можно скорее, в сильном раздражении доносят своим дворам, что медленность происходила от беспечности Елисаветы, от страсти ее заниматься пустяками, причем важные дела не двигались. Так смотрел на дело и Уильямс, сгоравший от нетерпения как можно скорее покончить дело о субсидном трактате; но мы знаем, какое право имела Елисавета медлить ратификацию этого трактата. Но кроме естественного желания каждого посланника объяснять дурными побуждениями препятствия своему делу, хвалить благоприятелей и порицать противников он был сам вводим в обман рассказами этих благоприятелей своих, их объяснениями причин неудачи; при этом, разумеется, все складывалось на интриги противников и беспечность императрицы, к которой нет доступа с серьезным делом. Бестужев чего ни наговорил Уильямсу в оправдание себя в неудаче. Естественное и необходимое сближение России с Францией, по его словам, произошло оттого, что Ив. Ив. Шувалов любил читать французские книги. Это совершенно похоже на то, что австро-французский союз произошел вследствие льстивого письма Марии-Терезии к Помпадур, как будто союз не должен был последовать от перемены существенных отношений благодаря Фридриху II и как будто союз Англии с Пруссией не должен был немедленно вести к союзу Франции с Австрией.

Да и участие России в Семилетней войне объясняли личным раздражением Елисаветы против Фридриха II, который позволил себе насмешки над нею! Но мы не имеем нужды прибегать к таким, только по-видимому легким объяснениям. Мы знаем, как просты были основания тогдашней внешней политики: они состояли в сохранении политического равновесия Европы, особенно если это равновесие нарушалось вблизи своего государства. В начале и середине XVIII века и в начале XIX Европа вела самые кровавые войны для поддержания этого начала политического равновесия: войною за Испанское наследство она сдержала Людовика XIV, Семилетнею войною сдержала Фридриха II точно так, как в начале нынешнего века поборола стремления Наполеона I; в двух последних борьбах Россия принимала самое сильное участие, и с одинаким правом, хотя и во время наполеоновских войн были в России люди, которые толковали: "Зачем нам биться с Францией? Она так далеко от нас!" Пожар Москвы доказал этим господам, как далеко была Франция от России. Вероятно, и во время Семилетней войны были люди, которые толковали: зачем это Россия вмешалась в такую долгую и разорительную войну из-за Австрии и Саксонии? Но не так думала дочь Петра Великого, для которой скоропостижный прусский король, не разбиравший средств для своего усиления, был самым опасным врагом России. Елисавета относительно Востока не могла успокоиться до тех пор, пока не были сожжены корабли,

построенные англичанами на Каспийском море для Персии; точно так же относительно Запада она не могла успокоиться до тех пор, пока не были сокращены силы прусского короля, который нападением своим на Саксонию вполне оправдал взгляд на него русского двора. Силы прусского короля были сокращены благодаря твердости и энергии Елисаветы, и если не были так сокращены, как бы она того желала, то достаточно были сокращены для того, чтоб впоследствии Екатерина II не встретила в них препятствия для достижения своих целей; кроме этого важного значения Семилетней войны для России она была школою, из которой вышли русские полководцы, сделавшие царствование Екатерины II столь блестящим в военном отношении. Таким образом, воздавая должное Екатерине II, не забудем, как много внутри и вне было приготовлено для нее Елисаветою.

В заключение взглянем на внутренние правительственные распоряжения в последний год царствования Елисаветы.

В самом начале года Сенат так отвечал конференции, которая требовала на разные дачи 16700 рублей да 600 червонных: "В Штатс-конторе из положенных доходов каждый год оказывается недостаток, отчего многие отпуски не исполнены, и состоит на Штатс-конторе великий долг; и теперь в деньгах крайний недостаток, и Сенат не надеется исполнить требования конференции. Штатс-контора не может отпустить даже всей суммы, назначенной на содержание двора; и хотя Сенат имеет попечение о наполнении Штатс-конторы доходами, но до сих пор еще не нашел к тому способов. Штатс-контора задолжала 8147924 рубля". Вслед за тем Штатс-контора прислала доклад: на наступившую генварскую треть надобно внести к их высочествам да на содержание императорского двора и лейб-компаний за сентябрьскую треть прошлого года 144897 рублей, а в Штатс-конторе денег ничего нет. За откупные таможенные сборы не получено за октябрь, ноябрь и декабрь прошлого года ефимков 221 пуд три фунта; а из Коммерц-коллегии объявлено, что принятые ею от Шемякина за октябрь месяц 43738 рублей хранятся для взноса в комнату императрицы. Сенат приказал: эти деньги, назначенные для комнаты императрицы, отдать в Штатс-контору, остальные же взыскать с Шемякина не позднее недели. Комиссариату Сенат велел подтвердить, чтоб доставил как можно скорее в армию недосланную за 1760 год на жалованье сумму, более 300000 рублей, равно как и на 1761 год - 1465728 рублей. Из Соляной конторы миллион рублей отпускался в комнату императрицы, и уже накопилось доимки 2115043 рубля; кроме того, Соляная контора должна была вносить на военные издержки 1089823 рубля. Контора просила, нельзя ли убавить сумму на военные расходы, чтоб можно было уплатить доимку в комнату императрицы; Сенат отвечал, что нельзя. В августе месяце Штатс-контора доносила, что на самонужнейшие отпуски надобно 2119135 рублей и с долгами на конторе 2686831 рубль; теперь в Штатс-конторе налицо 50162 рубля да за отданные на Монетный двор ефимки следует получить 61394

рубля, в московской рентерии 10087 рублей, итого 121644 рубля, недостает 1997490 рублей, а с долговыми суммами - 2565186 рублей.

Мы видели, что учреждена была лотерея. Доходы от нее должны были идти на содержание отставных и раненых обер - и унтер-офицеров и рядовых. Лотерея состояла из 50000 билетов, между которыми 37500 выигрышей, разделенных на четыре класса. Каждый билет положен был по 11 рублей за все классы. В июне генерал-прокурор объявил, что императрица велела ему предложить Сенату учредить дом, где содержать вдов и сирот, дочерей заслуженных людей, бедных, не имеющих покровительства и пропитания; на это ее величество некоторую сумму пожалует из собственных доходов. Сенат приказал требовать от Синода, чтобы назначил для вдов и сирот московский Ивановский монастырь или другой, подобный ему с довольным числом покоев и каменной оградой, а насчет регламента справиться в библиотеке Академии наук, как такие дома содержатся в иностранных государствах, также Иностранной коллегии собрать сведения от министров, находящихся при иностранных дворах.

Комиссия об Уложении, в которой присутствовали два сенатора - граф Роман Ларионович Воронцов и князь Михаил Ив. Шаховской, окончила две части Уложения - судную и криминальную, и Сенат в марте месяце приказал: "Как оное сочинение Уложения для управления всего государства гражданских дел весьма нужно, следственно, всего общества и труд в советах быть к тому потребен; и потому всякого сына отечества долг есть советом и делом в том помогать и к окончанию с ревностным усердием споспешествовать стараться. В сходство сего Прав. Сенат уповает, что всякий, какова б кто чина и достоинства ни был, когда будет к тому избран, отречься не будет, но, пренебрегая все затруднения и убытки, охотно себя употребить потщится, чая, во-первых, незабвенную в будущие роды о себе оставить память да, сверх того, за излишние труды и награждение получить может. Того ради по требованию комиссии нового Уложения к слушанию того Уложения из городов всякой провинции (кроме новозавоеванных, т. е. остзейских, Сибирской, Астраханской и Киевской губерний) штаб - и обер-офицеров из дворян и знатного дворянства, не выключая из того и вечно отставных от всех дел, токмо к тому делу достойных, по два человека из каждой провинции, за выбором всего тех городов шляхетства; ежели же они кого из обретающихся в Петербурге у статских дел к означенному делу выбрать пожелают, то в том дается им на волю; потому ж и купцов за таким же от купечества выбором по одному человеку и высылать в Петербург к 1 января будущего 1762 года". Относительно Малороссии Сенат приказал: "Малороссийскому гетману, определя особых людей, к тому способных, литовский статут рассмотреть и, какие явятся в нем недостатки, пополнить, а излишки исключить и прислать в Сенат с депутатом, который бы мог дать обо всем подробное изъяснение". Кроме выбора депутатов в комиссию об Уложении дворянство должно было заняться другими выборами: 5 июня Сенат предоставил помещикам выбирать из среды себя воевод, которые бы имели

деревни вблизи города и могли содержать себя доходами с них. Кроме того, Сенат полагал увеличить жалованье должностным лицам из дворян, также и воеводам. Президенты и члены коллегий, губернаторы и губернаторские товарищи из русских дворян, по большей части из заслуженных, а не из богатых, получали до сих пор в Петербурге половинное против армейских окладов жалованье, а в других городах - половинное против петербургских окладов; губернатор и вице-губернаторы в остзейских губерниях получали двутретное, а во внутренних губерниях - вполовину против остзейских; и таким малым жалованьем, полагал Сенат, по состоянию нынешних поведений без крайней нужды содержать себя никак не могут, и потому надобно сравнять жалованье гражданских и военных чинов: президенты должны получать по 2400 рублей, обер-прокурор - 3000, генерал-рекетмейстер и герольдмейстер - по 2500, вице-президенты - 1800, советники - 1200, надворные советники - 800, ассессоры - 600; во всех губерниях губернаторы - 2500, вице-губернаторы - 2000, товарищи - 800, провинциальные воеводы - 800, их товарищи - 300, воеводы приписных городов - 400, пригородные - 200; для покрытия этих новых расходов положить на вино, пиво и мед по 2 копейки на ведро, с крепостей - по 25 копеек, при справке за владельцев земель - 3 коп. с четверти, с исков при решении дел - по 3 коп. с рубля.

Известия, приходившие из областей, убеждали, что действительно надобно принимать меры против злоупотреблений областного управления. Так, Сенат узнал, что около города Царицына с проезжающих по реке Волге разных чинов людей берутся немалые взятки. Генерал-прокурор прочел в Сенате письмо к нему от генерал-майора Лачинова из Тамбова: Лачинов был на казанской ярмарке в Верхоломовском монастыре 8 июля; вблизи города Верхнего Ломова есть степь, называемая Дуровская, на которой около ярмарочного времени собирается всегда много воров и совершаются большие грабительства и убийства; и в 1761 году было то же самое; но приказчик дворянина Семенова, собравши своих крестьян и посторонних людей, сделал над разбойниками поиск, нашел их; атамана и 11 человек положил на месте, а двоих привел живыми в Воеводскую канцелярию, где они рассказали все свои похождения, рассказали, что из их шайки знаменитый разбойник Топкин во время нападения на шайку захватил награбленные деньги и ушел; воевода послал за ним в погоню, и разбойник был пойман; Лачинов, бывши у воеводы, сам видел разбойника, но заметил, что содержали его очень слабо, не как злодея, а как приличившегося в небольшом деле; потом Лачинов услышал, что разбойник уже ходит по ярмарке на связке, и, наконец, услышал, что воевода его выпустил. Сенат приказал Тамбовской провинциальной канцелярии исследовать, действительно ли верхоломовский воевода Бологовский слабо содержал и выпустил разбойника Топкина. Тамбовская канцелярия отвечала, что означенного воеводы Бологовского в Верхнем Ломове не имеется, должность воеводскую правит прапорщик Вышеславцев, а по какому указу и откуда, о том в Тамбовской воеводской канцелярии известия нет. Сенат приказал: Тамбовской воеводской

канцелярии следствие о Бологовском окончить как можно скорее; а что касается рапорта ее о незнании, где Бологовский и по какому указу Вышеславцев исправляет воеводскую должность, то это может быть причтено только к ее слабому смотрению, ибо ей об отлучке подчиненного воеводы и о вступлении на его место другого всегда должно быть известно, и впредь ей таких неосновательных представлений в Сенат отнюдь не делать. Наконец исчезнувший воевода был отыскан и подал в Сенат объяснение, что был уволен на два месяца Воронежскою губернской канцеляриею, о чем дал знать тамбовскому воеводе; относительно Топкина заперся, что никуда его не пускал, а ушел он ночью нечаянно из-за караульного; тамбовского воеводу обговорил в приязни с Лачиновым. Дело перешло в Воронежскую губернскую канцелярию.

Заботы об однодворцах продолжались. Думали облегчить их, изъявши из ведомства воевод и давши им особых выборных управителей; но выборное начало как в древней, так и в новой России не приносило ожидаемой пользы по недостатку в обществе сплоченности и силы, по которым оно могло бы сдерживать своих выборных чиновников. Новые однодворческие управители стали тягостнее воевод. Поэтому теперь Сенат отрешил всех однодворческих управителей, и однодворцы опять отданы в ведомство губернских и воеводских канцелярий; а для лучшего порядка велено быть из них же сотникам, пятидесятникам и десятникам; по делам между ними выбирать им самим поверенных, людей совестных и знающих; губернаторам же и воеводам накрепчайше подтверждено, чтоб имели об однодворцах попечение и охраняли их от обид, ибо Сенат будет зорко смотреть и посылать нарочных для разведывания, с каким прилежанием губернаторы и воеводы заботятся об однодворцах.

Относительно генерального межевания Сенат приказал: оканчивать межеванье земель в Московском уезде и в Московской провинции, также в Новгородском, Великоустюжском и Вятском уездах, а в прочих местах Московской и Новгородской губерний на одно нынешнее военное время оставить за недостатком в казне денег.

Из явлений городской жизни заметим доношение Карачевского магистрата о купце Морякине, что по причине непорядочных его поступков тамошнее купечество иметь его среди себя не желает. Купечество города Вязьмы подало челобитную, что в прошлом году оно просило о перемене бывшего тогда в Вяземском магистрате бургомистром Юдичева за непорядочные поступки и о предании его суду; также просило, чтоб быть в Вяземском магистрате по примеру других городов только по три человека членов и с переменою через два года, ибо в Вяземском магистрате имеется 6 членов, 2 бургомистра и 4 ратмана без перемены, отчего купечеству в службах излишнее и напрасное отягощение. Тогда Сенат велел Юдичева отрешить и на его место выбрать купечеству другого, а по сколько быть членов в магистрате и чрез сколько лет им перемениваться, о том Главному магистрату представить в Сенат. Но хотя Юдичев и отрешен, однако о

непорядочных его поступках рассмотрения не последовало, не сделано также определения об уменьшении числа магистратских членов и о сокращении срока их службы, тогда как Гл. магистрат в Московском губернском, Калужском провинциальном и в прочих магистратах число членов сам собою уменьшил и некоторых переменить дозволил. Сенат приказал Гл. магистрату решить это дело немедленно.

И прежде упоминалось о борьбе между двумя властями в городах - воеводской и полицейской. И теперь коломенская полиция донесла, что коломенский воевода Иван Орлов, приехавши в многолюдстве к полицмейстерской конторе верхом на лошадях, стрелял в контору из пистолетов, которые были у него в обеих руках; в тот же день воевода, ездя с помещиком Крюковым и со псовою его охотою по самым тесным улицам, стрелял из пистолетов.

Относительно жизни сел встречаем известие об убийстве крестьянами помещика капитана Исакова с женою и тремя детьми, четвертый ребенок был пощажен по просьбе няньки. Из Казанской губернии извещали о бунте симбирских крестьян против помещика Тургенева. Но Сенат не мог не заметить, что преимущественно волновались крестьяне монастырские и приписные к фабрикам и заводам. Евдоким Демидов подал просьбу на мастеровых Авзянопетровского его завода, которые все перестали работать по ложному известию, что пришел указ об освобождении их от заводских работ. Крестьяне возмутились также на заводах Никиты Демидова; в Оренбургской губернии на медеплавильном заводе графа Сиверса; в Пензенском уезде на красочной фабрике графа Андрея Шувалова. Сенат, сделав обыкновенное распоряжение сперва увещевать крестьян в покорности, а в случае упорства усмирить военными командами, распорядился, однако, послать нарочных, добрых и надежных людей, разведать, отчего крестьяне бунтуют, нет ли им каких обид и притеснений; кроме того, составить доклад о приписке крестьян к частным заводам, чтоб можно было однажды навсегда сделать основательное определение о всех заводах и приписных к ним крестьянах и тем отстранить все затруднения.

Относительно *сходцев* по восточной украине, в Оренбургской губернии, Сенат постановил: высылать на прежнее место жительства только тех, которые не завелись еще домами, особенно беглых; тех же, которые обзавелись домами и занимаются хлебопашеством, оставить.

Известное дело асессора Крылова послужило примером, до чего могло доходить чиновническое своеволие на окраинах, особенно в далекой Сибири. Кроме других его деяний оказалось еще следующее: на городской башне в Иркутске был двуглавый орел, как обыкновенно, с св. Георгием на груди; вместо последнего изображения Крылов велел вставить жестяную доску с надписью: году 1760 месяца сентября бытности в Иркутску начальника коллежского асессора Крылова; над надписью была выбита дворянская корона, а вокруг надписи лавры. Сенаторы решили, чтоб

Крылова судить в особой комиссии; один только сенатор Жеребцов не согласился, говоря, что особой комиссии не нужно, надобно судить Крылова в Юстиц-коллегии, а за поступок с гербом отослать в Тайную канцелярию. По этому поводу был сильный спор; остальные сенаторы обиделись, зачем Жеребцов в своем мнении выставил так много указов, как будто они, сенаторы, указам противники. Но Жеребцов остался при своем мнении. Тогда генерал-прокурор объявил, что он останавливает дело для донесения императрице. Елисавета приказала судить Крылова в особой комиссии, чтоб обиженные им получили как можно скорее удовлетворение, чтоб в комиссию были назначены люди совестливые и беспристрастные и чтоб с таким злодеем было поступлено по повелению ее величества, несмотря ни на какие персоны.